

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Владимирский государственный университет
Кафедра юриспруденции

Правовая конфликтология

*Методическая разработка
для студентов очного и заочного отделений*

Составители
В.С. ЖЕРЕБИН
О.В. БОГАТОВА

Владимир 2005

УДК 340
ББК 67.621
П 68

Рецензент
Доктор философских наук, профессор
Владимирского государственного университета
Ю. В. Согомонов

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Владимирского государственного университета

Правовая конфликтология : метод. разработка для студентов оч-
П 68 ного и заочного отделения / сост. : В. С. Жеребин, О. В. Богатова ;
Владим. гос. ун-т. – Владимир : Ред.-издат. комплекс ВлГУ, 2005. –
68 с.

Методическая разработка предназначена для студентов специальности 0211-
юриспруденция по спецкурсу «Юридическая конфликтология», которая включает в се-
бя: учебные планы для студентов очного и заочного отделений, рабочую программу,
краткое содержание соответствующих тем лекций, перечень рекомендованной литера-
туры.

Библиогр. : 7 назв.

УДК 340
ББК 67.621

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая методическая разработка включает в свое содержание учебный план, рабочую программу, структуру и основные положения соответствующих лекций спецкурса «Юридическая конфликтология», использование которой позволит студентам как очного, так и заочного отделения Владимирского государственного университета, специальности «Юриспруденция» сориентироваться в процессе уяснения и усвоения новой учебной дисциплины.

В российском обществе юридическая или правовая конфликтология как специальная научная дисциплина находится на стадии становления и формирования. В советский период в социологической литературе рассмотрены: сущность, специфика, типы и формы экономических и некоторых проявлений социальных противоречий, показана их закономерность в историческом развитии, проанализирована противоположность антагонистических и неантагонистических противоречий. Однако тогда неизбежность конфликтов в нашем обществе просто отрицалась. Диалектический закон единства и борьбы противоположностей преподносился в печати в усеченном виде. Официально утверждалось, что социальные конфликты характерны антагонистическим формациям (рабовладению, феодализму, капитализму) и противоестественны для общества, осуществляющего преобразование социума на коммунистических началах.

В течение длительного времени подобное положение наблюдалось и в советской юридической науке. Проблема противоречий и конфликтов в процессе функционирования и развития советского права совсем не затрагивалась. В 70 – 80-х гг. XX века советская гуманитарная мысль стала больше уделять внимания исследованию противоречий в развитии и функционировании права. Были опубликованы специальные работы, посвящен-

ные этой проблематике. На тему противоречий в праве содержатся соответствующие особые сюжеты и в смежных литературных источниках, в том числе и зарубежных. Все это явилось основательной теоретической предпосылкой становления юридической конфликтологии как особой научной дисциплины.

Литературу о противоречиях в праве, которая появилась в советский период, все же нельзя расценивать таким образом, что в ней нашло четкое выражение системное изложение проблем юридической конфликтологии. Это задача настоящего и ближайшего будущего, решение которой потребует немало творческих усилий со стороны представителей ряда отраслей юриспруденции как комплексной науки. Именно об этом говорит развернувшаяся в 1994 году дискуссия участников «круглого стола» в Институте государства и права Российской Академии наук. Творческое обсуждение проблем юридической конфликтологии на данном совещании оказало немалое стимулирующее воздействие на развитие научной мысли в продуктивной подготовке соответствующих исследований.

В 90-х годах XX века в рамках Института государства и права РАН создается специальная проблемная группа юридической конфликтологии. Значительным результатом ее творческой деятельности явилось издание коллективных монографий под редакцией и при непосредственном участии в их разработке академика В. Н. Кудрявцева.¹ Сейчас конфликты в обществе изучают одиннадцать наук: психологию, социологию, политические науки, философию, искусствоведение, педагогику, правоведение, социобиологию, математику, военные науки. К сожалению, юриспруденция занимает в этом перечне лишь восьмое место. Представители первых трех наук (психологии, социологии, политических наук) подготовили около 60 % общего количества публикаций, имеющих в одиннадцати науках, изучающих конфликты.

Однако отечественной общественности пока еще не предложено целостное и системное видение юридической конфликтологии как научной и учебной дисциплины на основе творческой реконструкции наличного теоретического материала. Попытка решить эту проблему изложена автором настоящей методической разработки в соответствующем его курсе лекций

¹ См; Дубовик О.А., Кудрявцев В.Н и др. Юридический конфликт: сферы и механизмы. – М.,1994; Юридический конфликт: процедуры разрешения / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.,1995; Юридическая конфликтология / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.,1995.

в трех частях.² В зарубежных странах юридическая или правовая конфликтология изучается в высших учебных заведениях, но нередко под иным названием. В качестве примера можно сослаться на учебный курс американского профессора права Peter Hay «Conflict of laws» (Петер Хей «Конфликт законов»), апробированный девятью другими специалистами в области юриспруденции, представляющими известные высшие учебные заведения США: Калифорнийский университет в Беркли, Чикагский университет, Мичиганский университет, Иллинойский университет, Гарвардский университет, Техасский университет.³

Юридическая конфликтология закладывает базовые теоретические и методологические установки повышения профессиональной подготовки юристов, развивает умение мыслить особыми категориями, что необходимо для конструктивной преобразующей деятельности по установлению режима законности и правопорядка в работе органов государства, общественных организаций, должностных лиц и в поведении граждан. В состав таких категорий входят следующие понятия: «правовые диалектические противоречия», «юридический конфликт», «правовые формальнологические противоречия», «законодательная коллизия», «коллизия законов», «правовая коллизия», «структура юридического конфликта», «динамика юридического конфликта», «правовая конфликтная ситуация», «юридический спор», «контрсубъект юридического конфликта», «идейно-правовая компонента юридического конфликта», «преодоление юридического конфликта», «разрешение юридического конфликта», «устранение юридического конфликта» и т.д.

Перечисленные категории юридической конфликтологии носят «региональный» гносеологический статус. Они не характеризуются простым «повтором» понятий отраслевых юридических наук. Поэтому юридическая конфликтология относительно самостоятельна, так что ее предмет отличается от круга вопросов, которые изучают теория государства и права, конституционное право, административное право, уголовное право, криминология, трудовое право, гражданское право и другие направления юриспруденции. Поэтому освоение юридической конфликтологии будущими спе-

² См; Жеребин В.С. Правовая конфликтология. Курс лекций. Ч. 1. Владимир, 1998; Он же Правовая конфликтология. Курс лекций. Ч. 2 . Владимир, 1999. Он же. Правовая конфликтология. Курс лекций. Ч. 3. 2000.

³ См; Peter Hay. Conflict of laws. Third Edition. St. Paul, Minn., 2000, p.1 – 330.

циалистами-юристами дает возможность человеку осуществить своеобразное приращение знаний по известному принципу «дополнительности», познать правовые явления значительно глубже и полнее.

Результативность изучения спецкурса «юридическая конфликтология» во многом зависит от способностей студентов рационально организовать свою работу как в учебном процессе, так и во внеучебное время. В этом отношении назначение предлагаемой методической разработки состоит в том, чтобы четко обозначить тот круг вопросов названной учебной дисциплины, освоение которых составляет одну из важнейших задач обучения студентов по специальности 0211 – юриспруденция. Опыт показывает, что наилучшие результаты в учебной работе дают те студенты, у которых имеются ясные представления об основных вопросах изучаемого учебного курса.

Методическая разработка позволяет ознакомиться с учебным планом юридической конфликтологии, рабочей программой и кратким содержанием рассматриваемой учебной дисциплины, поскольку на современном этапе ее изучения соответствующая наличная литература имеется в библиотеках в ограниченном объеме.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН

Для студентов очного отделения

№ п/п	Тема	Всего часов	Ауди-торные часы	Из них		Самостоятельные работы
				Лекции	Семинарские занятия	
1	Предмет юридической конфликтологии	12	8	2	2	2
2	Сущность юридического конфликта	8	4	2	2	2
3	Динамика юридического конфликта	8	4	2	2	4
4	Структура юридического конфликта	6	4	2	2	2
5	Типология и видология юридических конфликтов	2	2	2	2	2
6	Конституционно-правовой конфликт	2	2	2	2	2
7	Криминальный конфликт и его особенности	4	4	2	2	2
8	Административно-правовой конфликт	4	4	2	2	2
9	Гражданско-правовой конфликт	6	4	2	2	2
10	Трудоправовой конфликт	6	4	2	2	2
11	Процессуально-правовой конфликт	6	4	2	2	2
12	Функции и роли юридических конфликтов	4	4	2	2	2
13	Механизм преодоления юридических конфликтов	6	4	2	2	2
14	Многовариантность форм преодоления юридических конфликтов	18	16	8	8	2
	<i>Всего</i>	92	68	34	34	30

Для студентов заочного отделения

№ п/п	Тема	Всего часов	Ауди- торные часы	Из них		Самостоя- тельные работы
				Лек- ции	Семинарские занятия	
1	Предмет юридической конфликтологии. Сущность юридического конфликта	6	2	1	1	4
2	Динамика и структура юридического конфликта. Типология юридических конфликтов	6	2	1	1	4
3	Видология юридических конфликтов. Криминальный конфликт	11	2	1	2	8
4	Конституционно-правовой конфликт. Административно-правовой конфликт	10	2	1	1	8
5	Гражданско-правовой конфликт	10	2	1	1	8
6	Процессуально-правовой конфликт. Видовое взаимодействие юридических конфликтов	8	2	–	–	8
7	Функции и роли юридических конфликтов. Механизм преодоления юридических конфликтов	8	2	–	–	8
8	Многовариантность форм снятия юридических конфликтов	11	2	1	2	8
	<i>Всего</i>	69	16	6	8	56

ПРОГРАММА СПЕЦКУРСА: «ПРАВОВАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ»

Тема 1. Предмет юридической конфликтологии

Социальные предпосылки становления юридической конфликтологии как относительно самостоятельной области знания в системе гуманитарных наук. Особые экономические предпосылки формирования юридической конфликтологии в современном российском обществе. Процессы перераспределения собственности и ее приватизация как объективное основание усиления социальной напряженности и расширение конфликтных зон в общественном развитии. Социальные предпосылки юридической конфликтологии. Расслоение населения российского общества на особые типы субъектов общественных конфликтов и его отражение в системе права. Всемерное развитие демократии, многопартийность, политический плюрализм и их влияние на расширение правовой конфликтности в обществе. Легализация политических конфликтов и правовая конфликтология. Становление юридической конфликтологии и необходимость цивилизационного проведения в жизнь конституционного принципа, закрепляющего идеологическое разнообразие и плюрализм мнений.

Тема 2. Сущность юридического конфликта

Диалектические противоречия в системе права и их разновидности. Противоположности диалектических противоречий в праве. Формально-логические юридические противоречия и их роль в общественном развитии. Юридический спор и правовой конфликт. Юридический спор как разновидность осуществления демократического принципа плюрализма мнений, как словесное состязание людей и специфическое средство защиты их законных интересов. Разновидности юридического спора. Правовой конфликт как противостояние его участников, сопровождаемое юридическим спором, переходящим в их противоположные действия и поведенческие акты. Недопустимость отождествления юридического конфликта с правонарушением.

Тема 3. Структура юридического конфликта

Специфика структуры юридического конфликта. Контрсубъекты, объект, предмет и идейно-правовая компонента правового конфликта. Контрсубъекты юридического конфликта как основные его носители. Объект как выражение состояния напряженности противоборства во взаимоотношениях между контрсубъектами. Материальные и нематериальные блага как своеобразные предметы юридического конфликта. Относительная самостоятельность предмета юридического конфликта.

Тема 4. Динамика юридического конфликта

Стадиальность юридического конфликта как выражение динамичности правового противоборства между контрсубъектами. Конфликтная ситуация как предпосылка возникновения юридического конфликта. Специфика возникновения, развертывания и завершения юридического конфликта как относительно самостоятельных стадий в его развитии. Юридизация основных стадий правового конфликта как необходимое качество его относительной самостоятельности. Возникновение, развитие, завершение как системообразующие состояния юридического конфликта.

Тема 5. Детерминация юридических конфликтов

Действие динамических и статистических закономерностей в системе детерминирующих связей юридических конфликтов. Специфика условной, факторной, причинной и провоцирующей взаимозависимостей, лежащих в основе возникновения, развертывания правового противоборства между людьми. Условная зависимость детерминации юридических конфликтов как выражение своеобразной и принципиальной возможности их возникновения, поскольку «юридическое поле», в котором действуют физические и юридические лица, характеризуется постоянно усложняющимся разнообразием в многовариантном индивидуальном и групповом сознании и поведении людей. Факторная зависимость как выражение идеи общего

взаимодействия структурных элементов юридического конфликта: контр-субъектов, объекта, предмета и идейно-правовой компоненты. Особенности причинной зависимости юридических конфликтов. Провоцирующая зависимость как выражение повода, ускоряющего или замедляющего, вовлекающего или отторгающего дополнительные явления из различных областей общественной жизни, способных отодвинуть на задний план действие экономического источника юридического конфликта применительно к конкретному случаю и занять его место.

Тема 6. Типология и видология юридических конфликтов

Противоположность коренных интересов контр-субъектов юридических конфликтов как основание их классификации на конфронтационные и неконфронтационные типы. Конфронтационный тип юридических конфликтов, его сопряженность со своеобразными контр-субъектами, один из которых обязательно характеризует собой деструктивное начало. Неконфронтационный тип юридических конфликтов, его связанность с конструктивной деятельностью его основных носителей. Особенности состояния объекта в названных типах юридических конфликтов. Специфика основных отраслей права как ведущий признак их классификации на различные виды: криминальные, конституционно-правовые, административно-правовые, гражданско-правовые, трудовые и другие юридические конфликты.

Тема 7. Конституционно-правовой конфликт

Легализация конституционных конфликтов и соответствующих споров и ее официальное закрепление в Основном законе РФ (Ч. 3, ст. 125). Здесь говорится, что Конституционный Суд РФ разрешает споры о компетенции: между федеральными органами государственной власти, между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ, между высшими государственными органами субъектов РФ. Кроме того, Конституционный Суд РФ рассмат-

ривает споры по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан (Ст. 4 Конституции РФ). Названные положения Основного закона РФ высвечивают специфику субъектов конституционно-правового конфликта и объекта их противоборства. Отличительные свойства предмета конституционно-правового конфликта. Относительная самостоятельность юридического противостояния между его контрсубъектами. Противоречивость политико-юридических взглядов людей и соответствующих норм как идейно-правовая компонента конституционного конфликта.

Тема 8. Криминальный конфликт

Специфика контрсубъектности криминального конфликта, сопряженного с противоборством только физических лиц. Виктимизация контрсубъектности криминального конфликта и ее значение в процессе возникновения, развертывания и завершения последнего. Особенности объекта криминального конфликта и его связанность с конфронтационностью юридического противоборства между основными противостоящими участниками. Дуалистичность, спонтанность, ситуативность, «взрывной» характер криминальных конфликтов. Сопряженность последних с уголовно-правовыми нарушениями высших ценностей человеческого существования. Идейно-правовая компонента криминального конфликта как противоречивое единство уголовно-правовых взглядов и соответствующих правовых норм.

Тема 9. Административно-правовой конфликт

Чиновник и подчиненный как контрсубъекты административно-правового конфликта в системе исполнительной управленческой деятельности. Равенство всех перед законом и несовпадение прав чиновника и подчиненного. Характер административно-правовых отношений и доминирующее положение субъекта управления (управляющего, менеджера, чиновника). Противоборство чиновника и подчиненного как объект адми-

нистративно-правового конфликта и его связь с бюрократией. Бюрократия и «чинокрания» и их неодинаковое значение в создании состояния напряженности между контрсубъектами административного конфликта. Специфика предмета административно-правового противоборства. Противоречивое взаимодействие административных взглядов и соответствующих государственных предписаний как идейно-правовая компонента конфликтов в системе исполнительной власти.

Тема 10. Гражданско-правовой конфликт

Гражданско-правовой конфликт как закономерная реальность развития общества рыночной экономики. Специфика контрсубъектности гражданско-правового конфликта, в котором одна из его сторон выступает как частно-индивидуальное лицо. Другим носителем гражданско-правового противоборства может выступать как частно-индивидуальное, так и юридическое лицо. Объективно-ситуативный, «антиспонтанный», «антифизический» характер противоборства между контрсубъектами как специфические свойства объекта гражданско-правового конфликта. Имущественная ценность как особый предмет последнего. Противоречивое единство «рыночного» сознания людей и гражданско-правовых норм как идейно-правовая компонента рассматриваемой разновидности юридических конфликтов.

Тема 11. Трудоправовой конфликт и его особенности

Работодатель и наемный работник (или группа наемных работников) как специфические контрсубъекты трудоправового конфликта. Трудовой кодекс России 2002 года о трудовом партнерстве и противоположности интересов его основных участников. Социальное партнерство и противоборство между работодателем и наемным работником. Трудовой спор и трудоправовой конфликт: их единство и существенные различия. Переход от индивидуальных трудовых споров к коллективным, а от них к забастовке как процесс обострения социальной напряженности в конфликтных взаимоотношениях между работодателем и наемными работниками. Заработная плата как предмет трудоправового конфликта. Противоречивое единство трудового законодательства как идейно-правовая компонента трудоправового конфликта.

Тема 12. Функции и роли юридических конфликтов

Специфика общих функций юридических конфликтов, их назначение и действие в обществе и жизни человека. Парность и двойственность функций юридических конфликтов. Противоположность сигнально-информационной и сигнально-дезинформационной функций, предупреждающих контрsubjектов юридического конфликта о возникшем между ними разладе и получении ими противоречивых (верных и неверных) сведений о причинах и путях его преодоления. Противоположность установочно-нормативной и установочно-ненормативной функций, создающих противоречивую готовность контрsubjектов потенциального юридического конфликта в их отношениях к требованиям правовых норм. Противоположность нормативно-гармоничной и нормативно-дисгармоничной функций, вызывающих рассогласованность общеобязательных юридических требований, обращенных к сознанию и поведению контрsubjектов юридического конфликта. Противоположность юридически дозволительной и запретительной функций, усиливающих социальную напряженность взаимоотношений контрsubjектов и других участников юридического конфликта.

Тема 13. Механизм преодоления юридических конфликтов

Сложность социального механизма преодоления юридических конфликтов, действие которого разворачивается как на макросоциальном, так и микросоциальном уровнях. Макросоциальный уровень преодоления юридических конфликтов как субординационное и координационное взаимодействие различных элементов системы правоохранительных органов, вытесняющих антиобщественные деяния из жизни общества. Непосредственная связь микросоциального механизма преодоления юридических конфликтов с межличностными отношениями и его многозвенность. Сопряженность действий контрsubjектов с утверждением субъективной ориентации о путях снятия конкретной противоположности между требованиями юридических норм и противоречивых мотивов персонифицированных участников конфликтных отношений. Связанность микросоциального механизма с установлением юрисдикционной идейно-психологической установки правоприменителя в деле преодоления конкретного обострения противоречий между требованиями юридических норм и правореализующими

намерениями персонифицированных контр субъектов. Сопряженность микросоциального механизма с укреплением устойчивой позиции правоприменителя в преодолении конкретного юридического конфликта. Наличие согласованной убежденности правоприменителя в справедливости его поведенческого акта.

Тема 14. Формы снятия юридических конфликтов

Разрешение юридических конфликтов как консенсуальное их преодоление, где получаемые контр субъектами результаты становятся для них выгодными, но в разных отношениях. Устранение юридических конфликтов как относительно самостоятельная форма их преодоления, сопровождаемая деструктивной деятельностью хотя бы одного из контр субъектов. Приоритетная компромиссность, создающая преграды на пути утверждения взаимоприемлемых соглашений, вызывающих необходимость принятия правоприменительных юрисдикционных решений и их принудительного исполнения. Ликвидация юридического конфликта и ее сопряженность с исчезновением одного из контр субъектов, прерывающего либо удлиняющего конкретную правовую связь между противоположными лицами, перестающими либо существовать, либо скрывающимися друг от друга. Ликвидация правового конфликта и ее связь с упразднением или отмиранием тех или иных сторон идейно-правовой компоненты, создающей ситуацию его структурной неполноты, ведущей к исчезновению противоборства между физическими и юридическими лицами.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ СПЕКУРСА «ПРАВОВАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ»

Лекция 1. Предмет юридической конфликтологии

В XIX и XX вв. проблема конфликтов стала предметом изучения со стороны ряда областей гуманитарного знания. На Западе уже в течение многих десятилетий, особенно в конце XX в., наблюдается усиленный про-

цесс формирования комплексной науки конфликтологии, предметом которой является изучение социальных причин, структуры, динамики, функций конфликтов, а также разработка механизмов их оптимального движения и преодоления. Появилось специальное направление в системе гуманитарного знания, которое ныне обозначается как «социология конфликта».

Вместе с тем в последнее время все настоятельнее ощущается потребность дифференциации конфликтологии как комплексной науки на относительно самостоятельные направления с тем, чтобы придать исследованиям конфликтов бóльшую предметность и основательность. Относительная самостоятельность присуща и правовой конфликтологии, поскольку многие социальные конфликты разворачиваются в сфере юридических отношений.

Становление правовой конфликтологии обусловлено особыми экономическими потребностями развития российского общества, поскольку в нашей стране происходят качественные изменения в системе производственных отношений.

В отличие от государственного социализма, экономической основой которого являлось господство общественной собственности, действующая Конституция РФ закрепляет многообразие форм собственности, в том числе необходимость существования и частной. В силу этого наблюдается довольно значительная дифференциация экономических интересов между людьми, нередко сопровождаемых возникновением экономических конфликтов.

Становление правовой конфликтологии имеет под собой и социальные предпосылки. Последние выражаются в довольно значительном социальном расслоении российского общества.

Распределение (перераспределение) собственности приводит к все большей социальной дифференциации населения, сопровождаемой увеличением разрыва между доходами различных групп населения.

Утверждение правовой конфликтологии обусловлено политическими предпосылками, суть которых состоит в необходимости формирования правового государства на основе всемирного развития демократии, осуществляемой в рамках принципа политического плюрализма. Вместо монополии одной партии (КПСС), что было свойственно советскому периоду, конституционно закрепились политическое многообразие и многопартийность.

Политическое многообразие, многопартийность, наличие оппозиции в системе демократических институтов легализует наличие различных по-

литических интересов со стороны неодинаковых политических сил. Отсюда неизбежны противоречия и конфликты между ними, которые стали теперь вполне естественными. Для конструктивного развития демократии важно своевременное разрешение политических конфликтов, а не их запрещение.

Наряду с вышеуказанным развитие правовой конфликтологии вызывается и острой потребностью научного обоснования путей дальнейшего развития коллизионного права. В ст. 71 Конституции РФ записано, что в ведении последней находится развитие федерального коллизионного права.

В условиях административно-командной системы управления обществом официального провозглашения морально-политического единства советского народа такой потребности просто не существовало.

Бытовало довольно суженное понимание коллизионного права и соответствующих норм. Под коллизионным правом подразумевалась совокупность норм, разрешающих коллизии между законами различных государств (например, между иностранными и советскими законами).

Ограниченное понимание коллизионного права перестало соответствовать действительным реалиям развития российского общества. Ныне действующая Конституция РФ легализует возможность возникновения противоречий и споров между законодательной и исполнительной властью, также коллизий между различными субъектами нашего государства. Ст. 125 Конституции РФ утверждает необходимость существования Конституционного Суда как органа государственной власти, призванного осуществлять довольно многообразные функции, в том числе и разрешение споров о компетенции между федеральными органами государственной власти, а также между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов.

Становление юридической конфликтологии вызывается необходимостью цивилизованного проведения в жизнь конституционного принципа, закрепляющего идеологическое разнообразие. В России сегодня сосуществуют две различные модели ценностных систем. Одна из них тяготеет к постиндустриальной индивидуалистической модели ценностей западного типа, а другая связана с носителями традиционного российского менталитета, характеризуемого патриархально-коллективистской моделью ценностей. Немалая часть населения составляет группу с противоречивым (амбивалентным) типом сознания, для которого свойственно его раздвоение, сочетание несочетаемого.

Обозначенные социально-экономические условия, раскол в общественном и индивидуальном сознании российского общества являются питательной почвой для возникновения различных конфликтов, преодолеть которые можно только на основе использования мер: экономических, политических, культурных, нравственно-психологических и др. В случаях, когда указанный раскол обусловил возникновение правовых конфликтов, то в процесс их преодоления включение юридических средств становится неизбежным требованием оптимального развития общественных отношений между людьми. Утверждение такого состояния зависит от правовой конфликтологии как науки, которая призвана занять подобающее ей место в системе гуманитарного знания.

В 70 – 80-х годах советская гуманитарная мысль стала больше уделять внимания исследованию противоречий в развитии и функционировании права. Были опубликованы специальные работы, посвященные противоречиям в праве. Проблема противоречивости сущности права нашла свое отражение и в зарубежной литературе, которая была посвящена вопросам преемственности развития права, его социологическому, криминологическому анализу, методам изучения данного общественного явления. Все это явилось основательной теоретической предпосылкой становления юридической конфликтологии как особой научной дисциплины, что подчеркнуто на заседании «круглого стола» в Институте государства и права Российской академии наук.²

Литературу о противоречиях в праве, которая была в советский период, все же нельзя расценивать таким образом, что в ней нашло четкое выражение системное изложение проблем правовой конфликтологии. Это задача настоящего и ближайшего будущего, решение которой потребует немало творческих усилий со стороны представителей ряда наук и прежде всего теории государства и права.

Именно об этом говорит развернувшаяся дискуссия участников «круглого стола» в Институте государства и права Академии наук РФ, о которой мы упомянули ранее. Творческое обсуждение проблем правовой конфликтологии на данном совещании оказало немалое стимулирующее воздействие на научную мысль в продуктивной подготовке соответствующих исследований. В 90-х годах в рамках Института государства и права

² Поленина С.В. Выступление в Институте государства и права "за круглым столом" по проблемам правовой конфликтологии // Государство и право. – 1994, № 4. – с.18.

Академии наук РФ создается специальная проблемная группа юридической конфликтологии. Крупным результатом ее творческой деятельности явилось опубликование коллективных монографий под редакцией и непосредственным участии в их разработке академика В. Н. Кудрявцева.³

В последнее время стали появляться специальные сюжеты о юридических коллизиях в учебниках и учебных пособиях по теории государства и права.⁴ Именно эта наука располагает значительными возможностями отразить наиболее важные аспекты правовой конфликтологии. Однако даже теория государства и права, являясь фундаментальной политико-юридической наукой, бессильна охватить своим содержанием многоаспектные вопросы правовой конфликтологии.

Лекция 2. Сущность правового конфликта

В сущности правового конфликта дается изложение трехуровневого процесса развертывания диалектических противоречий в рамках действующей правовой системы, которые относительно самостоятельны, но в то же время они находятся во взаимодействии, обеспечивая ее внутреннюю пульсацию и переход из одного состояния в другое. Объективные импульсы в развитии юридической системы общества идут от диалектических противоречий, проявляющихся в трех разновидностях. Диалектическое юридическое противоречие рассматривается как взаимодействие между противоположными сторонами (свойствами) права и его производными, характеризующего отношения единства и взаимного исключения между ними. Такими противоположностями являются: объективное и субъективное в праве, право как целостная относительно устойчивая система и ее более подвижные составные элементы (отрасли, институты, нормы и т.д.), право как равный масштаб юридической оценки поведения человека, применяемого в то же время к неодинаковым людям. Взаимодействие между перечисленными противоположностями права является сутью его диалектических противоречий.

³ См; Дубовик О.А., Кудрявцев В.Н. и др. Юридический конфликт: сферы и механизмы. М; 1994; Юридический конфликт: процедуры разрешения / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М, 1995.

⁴ См: Теория государства и права. Курс лекций // под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько - Саратов СВШ МВД РФ, 1995; Ю.А. Тихомиров. Публичное право. – М: 1995; Теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. – М, 2001.

Обосновывается мысль о том, что диалектические противоречия закономерны и необъективны. Их исчезновение означает прекращение существования права как относительного самостоятельного явления общественной жизни. Скажем, если бы право было неодинаковым масштабом, применяемым к различным людям, то тогда оно перестало бы быть совокупностью общеобязательных правил поведения, потеряло бы свое регулятивное свойство и тем самым исчезло как особое юридическое явление.

Поэтому отношения человека к диалектическим противоречиям способны стать самым разнообразным. Конкретные их проявления могут быть преодолены вовремя или с опозданием, сняты конструктивно или неэффективно, оптимально разрешены в своем развитии или натолкнулись на немалые препятствия и т.д. Неизбежным спутником отмеченного развертывания диалектических противоречий является юридический спор, который как таковой «вращается» в сфере индивидуального и общественного правового сознания и сам по себе не может быть заменителем реально действующего правового конфликта, как правило сопряженного с физическими действиями людей.

Отмеченное вращение нельзя понимать как вечное движение по одной и той же орбите, так что юридический спор есть простое «сопровождение» правового конфликта. При определенных условиях юридический спор как своеобразное словесное состязание способен, образно выражаясь, «перескакать» с орбиты индивидуального и общественного сознания в сферу конкретных деяний, превращаясь в конкретный правовой конфликт. Но в этом случае он уже существует не в чистом распредмеченном виде, а выражается уже в предметной форме, объективируясь в реальные и физические действия спорящего человека.

В отличие от правового конфликта юридический спор выделяется определенными особенностями. Он относительно самостоятелен и может существовать на своем собственном уровне, приобретая специфические формы переговоров, диспутов, дискуссий, бесед, сопряженных с разногласиями людей. Юридический спор предполагает специфические средства разрешения, ибо истинное правовое суждение нельзя установить с помощью физического давления и принуждения, а можно установить только опираясь на силу логических аргументов.

Противопоставление юридического спора и правового конфликта чревато возможностью произвольного ограничения компетенции юрис-

дикционных органов в деле осуществления практической деятельности по преодолению последнего. Достаточно сослаться на ч. 3 ст. 125, гласящей о том, что Конституционный Суд РФ разрешает споры: между федеральными органами государственной власти; между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ; между высшими государственными органами РФ. Если давать буквальное толкование понятия «спор» в общепринятом и ранее отмеченном смысле как словесное состязание людей, то напрашивается ошибочный вывод о некомпетентности Конституционного Суда РФ рассматривать правовые конфликты между названными органами государственной власти, что, конечно, не соответствует действительному положению вещей. В реальности судебные инстанции рассматривают на своих заседаниях не «словесные баталии», а те юридические споры, которые переросли в соответствующий конфликт. Последние характеризуют особый уровень обострения диалектических противоречий в праве, что достигается на основе специального анализа особых категорий: «правовая коллизия», «законодательная коллизия» и «коллизия законов». Специфика их взаимодействия заключается в том, что в этот процесс вторгаются формально-логические противоречия.

Законодатель не различает диалектические и формально-логические противоречия. В связи с этим укажем на ч. 1 ст. 15, где говорится: «Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации». Здесь речь идет о формально-логических противоречиях, выраженных в неявной форме. Но этого мало, поскольку отторжение законодателем понятий «диалектическое противоречие права» и «формально-логическое противоречие права» способно привести к неправильной установке законодательных и правоприменительных органов государства в отношении к юридическим конфликтам.

Если противоречий в системе права не должно быть (а каких не уточняется), то можно подумать, что любых, как диалектических, так и формально-логических. Но первые объективны и закономерны, их нельзя произвольно устранить, они должны быть, ибо как было показано ранее, исчезновение диалектических противоречий права на деле означает прекращение его существования как относительно самостоятельного явления общественной жизни. Выходит, тот, кто отрицает необходимость диалектических противоречий права, в конечном счете скатывается на теоретиче-

ские позиции юридического нигилизма, который по своей сути лишен творческого начала и способен лишь к распространению конфликтов, а не их конструктивному разрешению.

Слово «не должны» нельзя понимать как такое состояние законодательства, для которого юридические коллизии между различными правовыми нормами есть нечто противоестественное. Напротив, развитие правовой системы российского общества должно сопровождаться преодолением ее внутренних коллизий и формально-логических противоречий, причинами которых является сознательная деятельность субъекта правотворчества.⁵

В лекции отмечается, что ошибочно конституционное положение, зафиксированное в ч. 5 ст. 76, где говорится: «Законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, принятым в соответствии с частями первой и второй настоящей статьи». В отличие от слова «не должны» заявление «не могут» в неявной форме содержит провоцирующий неверный вывод: какая бы правотворческая деятельность федеральных и региональных органов не проводилась, она неизменно «обречена на успех» и не способна вызвать нормативно-правовые акты, противоречащие друг другу, что, конечно, не соответствует реалиям нашей общественной жизни. Она говорит как раз о том, что несоответствия местного, регионального законодательства федеральному является довольно распространенным явлением. Иначе говоря, термин «не могут» таит в себе опасность распространения благостного настроения среди законодателей, которое способно погасить их творческой потенциал.

Законы принимаются людьми, которые не могут быть абсолютно совершенными в своей правотворческой деятельности. В реальной жизни на свет выходят не только хорошие федеральные и региональные законы, но и плохие, в какой-то части ошибочные, новые в одной исторической обстановке становятся старыми, что порождает конкретные формы диалектических и формально-логических юридических коллизий между ними. Поэтому освобождение от терминологических несовершенств нашего законодательства является одной из необходимых задач российского правотворчества.

⁵ Толстик В.А. Техничко-юридические приемы выявления и устранения и преодоления формальнологических противоречий // проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. доктора юридических наук, профессора, академика РАЕН ПАНИ, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2000. – с. 111.

Правовая коллизия как своеобразное выражение обострения противоречий между индивидуальным и общественным юридическим сознанием и требованиями законодательных установлений не всегда характеризует наличный юридический конфликт, ибо некоторая часть из них, являясь формально неотмененными, все же при определенных условиях становится «мертвыми» – недействующими, отжившими.

Переход юридической коллизии в законодательную, сопряженную с противостоянием различных действующих нормативно-правовых актов или их составных частей выражает собой обострение противоречий в правовой системе. Оно еще более усиливается, если речь идет о коллизиях законов, поскольку они характеризуют собой столкновение нормативно-правовых актов, обладающих высшей юридической силой. Поэтому законодательная коллизия, выражающая столкновение между любыми нормативно-правовыми актами, по своему содержанию шире, чем коллизия законов.

Правонарушения выражают собой лишь одну из сторон юридического конфликта, характеризуя собой негативную, разрушительную деятельность человека, виновного в совершении антиобщественного, противоправного деяния. Оно выступает как внешнее проявление обострения противоречия между интеллектуально волевым требованием закона и девиантным поведением, и действиями физических и юридических лиц. Другой противоположной стороной юридического конфликта является правомерное поведение людей, олицетворяющих собой положительную, созидательную деятельность.

Лекция 3. Структура правового конфликта

Структура правового конфликта характеризуется созданием теоретической и научно-обоснованной модели ее состава, включающей в свое содержание четыре основных системообразующих элемента: контрсубъектов, объекта, предмета и идейно-правовой компоненты.

Если в общей теории права и государства носителями юридических отношений обозначаются люди и их организационные объединения, то применительно к структурному составу конфликтных социальных зависимостей круг лиц существенно сужается. Категория «субъекты правоотно-

шений» прежде всего подчеркивает их социальный характер, то есть носителями последних могут быть люди, одаренные волей и сознанием, способные разумно реагировать на требования юридических норм, в которых обозначены юридические права и обязанности. Тем самым правоотношения не могут быть в мире животных, не способном воспринимать требования законодательных установлений и нести ответственность за действия, приносящие вред человеку.

В отличие от этого термин «контрсубъектность» сохраняет прежнее описанное социальное качество конфликтных отношений между людьми и вместе с тем высвечивает дополнительные их свойства. Он показывает, что юридическое противоборство не есть неизбежный спутник физического лица, неисчезающее состояние на каждом и любом отрезке его жизни. Оно появляется лишь тогда, когда между людьми по меньшей мере между двумя лицами появляется противоположность (контрарность) их интересов, каждый из которых не желает поступиться ими и стремится их отстоять и защитить.

В лекции дается теоретическое решение о составе идейно-правовой компоненты юридического конфликта. Правовая конфликтология изучает не конфликты между юридическими нормами, взаимоотношения между которыми могут характеризоваться противоречиями, а противоборствующее поведение и взаимодействие людей при столкновении их представлений и суждений относительно действующих государственных установлений.

Понятие «идейно-правовая компонента» юридического конфликта снимает теоретическую неопределенность в истолковании одного из его элементов и показывает, что вне идей о праве и их противоречивого взаимодействия с юридическими нормами, соответствующие конфликты появиться не могут. Утверждать противоположное – значит считать, что конфликтность юридических норм является вечным их состоянием, которое абсолютно независимо от сознания человека, что, конечно, не соответствует действительности.

В лекции предлагается теоретическое решение об объекте и предмете юридического конфликта. Мы не отождествляем эти категории, ибо считаем их относительно самостоятельными, между которыми имеет место не только единство, но и существенные различия. В ряде случаев в качестве объекта юридического конфликта считаются материальные и нематери-

альные блага, к обладанию которыми стремятся субъекты.⁶ Нами не разделяется эта точка зрения, ибо она не соответствует реальному положению вещей. Объектом называется то, что существует независимо от сознания одного из контрсубъектов и непосредственно детерминирует соответствующий вариант его поведения.

Предмет юридического конфликта тесно связан с его объектом, но все же первый не растворяется во втором. А это означает, что предмет тоже относительно самостоятелен в системе элементов юридического конфликта. Предмет сам по себе не создает юридического конфликта. Вещи, конкретному материальному образованию безразлично, кому они будут принадлежать: находиться в распоряжении правомерного собственника или быть в незаконном владении лица, совершившего антиобщественное деяние. Предмет сам по себе не определяет специфику прав и обязанностей контрсубъектов, поскольку одна и та же вещь, имущественная ценность может быть вовлечена в различные виды юридических конфликтов. Предметы юридического конфликта могут отчуждаться и переходить от одного лица к другому в результате купли-продажи, дарения, наследования, реквизиции, конфискации.

Отмеченные формы правового отчуждения не применимы по отношению к объекту юридического конфликта. Поскольку объект неразрывно связан с контрсубъектами, постольку в отношении противостоящего поведения нельзя осуществить юридические акты купли-продажи, дарения, наследования, реквизиции, конфискации. Поведение покупателя нельзя «передать» продавцу, противостоящие потребности и интересы контрсубъектов не поддаются обмену, реквизиции и конфискации.

Лекция 4. Динамика правового конфликта

В лекции предложено своеобразное истолкование стадийности развития юридического конфликта, характеризуемой тремя основными фазами: возникновения, развертывания и завершения. При этом конфликтная ситуация выражает предпосылки появления юридического конфликта и не составляет его собственную сущность. В ходе чтения лекции раскрываются юридические особенности отмеченных основных стадий.

⁶ См. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. – М, 1999. – с. 234; Юридическая конфликтология / отв. ред. В.Н.Кудрявцев. – М, 1995. – с. 35.

Конфликтная юридическая ситуация является латентной, скрытой, что находит свое выражение в правовой деперсонифицированности по меньшей мере одного из контр субъектов, соответствующей неопределенности объекта и вытекающей отсюда распрямеченности совершенного деяния. Все это выражает противоречивое взаимодействие потенциальных элементов юридического конфликта накануне его возникновения.

Правовая деперсонификация – это временное незнание личностно-индивидуальных свойств потенциального контр субъекта и логики его возможного поведения как носителя совершенного антиобщественного деяния, представление о котором необходимо юрисдикционным органам для официальной и государственной оценки. Указанная оценка не возникает одновременно и синхронно вслед за осуществленным деянием, ее утверждение предполагает переход от тайного, скрытого к явному, от еще не выявленного к ясному и очевидному.

Конфликтная ситуация нередко связана с сознательно преднамеренным сокрытием контр субъектами своих противоположных идейно - психологических установок с тем, чтобы в намечающемся взаимном противоборстве занять более выгодные наступательные или оборонительные позиции.

Отмеченный дуализм идейно-психологических установок не лежит на поверхности общественной жизни и сам по себе не может быть объектом юридического конфликта. Он становится таковым, когда совершается инцидент, который олицетворяет собой первую «стычку» контр субъектов и по существу выражает собой начало юридического противостояния между ними.

В таком качестве выступают только юридические факты, то есть события и действия людей, способные вызвать определенные правовые последствия, предусмотренные законом. Правовая неопределенность объекта противоборства между физическими лицами, организациями и предприятиями в конфликтной ситуации состоит в том, что непосредственно в ней не происходит «юридическая сцепка» между контр субъектами конфликта на основе утверждения процессуально-правовых отношений. Их юридическая персонификация не осуществляется на территории самих предприятий в месте расположения учреждений внесудебного характера. Тут завязываются конкретные экономические, политические, нравственно-психологические и юридические противоречия, которые лишь в судебных и квазисудебных инстанциях становятся официально признанными правовыми конфликтами.

Правовая распредмеченность совершенного деяния в конфликтной ситуации выражается в размытости конкретных потерь и приобретений материальных и нематериальных благ. Потери или приобретения в конфликтной ситуации в результате противоборства физических и юридических лиц нередко просто очевидны. Но официальное определение их меры, количественных и качественных параметров требует, как правило, анализа со стороны специально подготовленных людей. Причем в необходимых случаях потери и приобретения материальных и нематериальных благ приходится взыскивать с помощью государственных принудительных средств.

Юридический конфликт вызывается правовыми фактами позитивного и негативного значения в результате обострения противоречий между правомерным и неправомерным поведением физических и юридических лиц. Скажем, возбуждение уголовного дела (Ст.140 УКП РФ), принятие искового заявления судом в адрес ответчика (Ст.131 ГПК РФ) выступают юридическими фактами правомерного действия, а совершение антиобщественного деяния предполагаемым преступником, немотивированный отказ названного ответчика удовлетворить претензии истца, характеризуют собой негативные юридические факты. В результате завязывается борьба, противостояние между названными контр субъектами.

При определенных условиях она разворачивается, так что конфликт переходит в другую стадию и развивается довольно сложным путём, характеризуемым понятием «юридическая эскалация». Слово «эскалация» латинского происхождения, буквально означающее «лестница». В общем социологическом аспекте в понятии «эскалация конфликта» выражается его движение, переход «по ступенькам», реализация в серии отдельных действий и противодействий конфликтующих сторон.⁷ Применительно к юридическому конфликту его развитие на второй фазе сопровождается специфическими правовыми действиями и противодействиями.

В определенных условиях некоторые контр субъекты просто не могут преодолеть все ступеньки борьбы со своей противоположностью, что возникает в ситуациях отвода и самоотвода (Ст. 64 – 71 УПК РФ; ст. 18 – 21 ГПК РФ). Юридическая эскалация может выражать постоянную возрастающую степень напряженности между носителями противоположных

⁷ См. Конфликтология / под ред. А.С. Кармина. – СПб, 1999. – С. 50.

правовых позиций, что особенно ярко проявляется в случаях, когда юрисдикционные органы выносят приговор или решения, предусматривающие в рамках закона бóльшие потери, чем те, на которые они были готовы в своих субъективных представлениях. Юридическая эскалация может характеризовать своеобразную волнообразность состояния борьбы между контр субъектами, когда напряженность между ними то усиливается, то спадает, а нередко сменяется затишьем и временным улучшением отношений, проявляющихся в случаях прекращения дела в судебном заседании (Ст. 212, 213 УПК РФ), приостановления производства по делу (Ст. 215, 216, 217 ГПК РФ). Именно в данных ситуациях у участников судебного процесса высокая степень беспокойства за его результаты сменяется надеждой, пусть нестойкой, на благоприятный исход возникшего юридического конфликта.

Юридическую эскалацию нельзя ограничивать только сферой процессуально-правовых отношений между участниками соответствующего конфликта. Ее определяющей стороной является обострение противоборства в системе материально-правовых зависимостей между ними. Повышение социальной опасности совершенных деяний на основе перехода от дисциплинарных проступков к гражданско-правовому конфликту, а от него – к административному правонарушению, а затем к конституционным и криминальным конфликтам – все это характеризует юридическую эскалацию в области материального права. Ее высшей точкой является совершение политических преступлений, существование которых в современном российском обществе все в большей мере признается рядом ученых-специалистов.

Юридическая эскалация может выражать и перманентную тенденцию к ослаблению противоборства между контр субъектами, что наблюдается при мирном исходе разрешения некоторых уголовных и гражданских дел (Ст. 25 УПК РФ, ст. 138, 139, 140 АПК РФ), при вынесении оправдательного приговора (Ст. 302 УПК РФ), если после смерти гражданина, участвующего в деле, спорное правоотношение не допускает правоприменения (Ст. 150 АПК РФ), если истец отказался от иска и отказ принят арбитражным судом (Ст. 150 АПК РФ), а также при некоторых других обстоятельствах. Таким образом стадия развития юридического конфликта характеризуется изменением его контр субъектного состава, объекта и предмета, а также идейно-нормативной компоненты.

Завершение правового конфликта – это его окончание, в результате которого снимаются все свойства, характеризующие его конкретную юрисдикцию. В результате прекращаются юридические связи, имевшие место между контр субъектами, другими участниками правового конфликта, его объектом и идейно-правовой компонентой. Принятие правоприменительного акта не всегда характеризует окончание юридического конфликта.

Лекция 5. Детерминация правовых конфликтов

В лекции сформулировано особое понимание сложности процесса детерминации правовых конфликтов на основе постижения соответствующего блока специфических категорий, имеющих самостоятельное познавательное значение.

Детерминирующий механизм юридических конфликтов подчиняется действию динамических и статистических закономерностей и характеризуется четырьмя основными типами зависимостей, вызывающих возникновение, развертывание, завершение правового противостояния между людьми. К таким зависимостям относятся: условная, факторная, причинная и провоцирующая, каждая из которых относительно самостоятельна и специфична по своему содержанию.

Условная зависимость детерминации правовых конфликтов определяет абстрактную, принципиальную возможность возникновения их конкретных проявлений, поскольку «юридическое поле», в котором действуют физические и юридические лица, характеризуется постоянно усложняющимся разнообразием, выражающимся в многовариантном индивидуальном и групповом сознании и поведении людей. Правовое разнообразие проявляется в плюралистическом осознании юридических требований, которое сопровождается как признанием их справедливыми, так и критическим отношением к ним; в неодинаковом отношении к действующим правовым нормам, проявляющимся как в поведении, направленном на реализацию их требований, так и в действиях, противостоящих закону; в факте существования неодинаковых норм права, которые могут быть правильными и ложными, конструктивными и деструктивными и т. д.

Факторная зависимость раскрывает идею общего взаимодействия структурных элементов юридического конфликта: контр субъектов, объекта, предмета и идейно-правовой компоненты. Непосредственно соприкаса-

ясь друг с другом, названные структурные элементы юридического конфликта становятся действующими, производящими не только его возникновение, но и дальнейшее развертывание и завершение. Факторная зависимость детерминации правовых конфликтов характеризуется своими особенностями, которые можно выразить следующими основными признаками.

Во-первых, коррелятивной взаимозависимостью между конкретной нормой права и соответствующими юридически негативными и позитивными деяниями. Именно об этом говорит ст. 3 УК РФ, где подчеркивается: «преступные деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом». Если отмеченные деяния произошли, то в системе права должны функционировать соответствующие юридические нормы, создающие адекватную реакцию со стороны компетентных государственных органов. При отсутствии отмеченной коррелятивности факторная зависимость деформируется, так что конфликтная ситуация не получает своего юридического продолжения и соответствующего цивилизованного разрешения.

Во-вторых, способностью наличной конкретной юридической нормы действительно отреагировать на возникшую конфликтную ситуацию, поскольку первые могут и не обладать таким свойством, ибо немалая часть из них является «мертвой», неэффективной, не четко выраженной. В качестве примера можно сослаться на структуру главы Конституции РФ обозначенной «Судебная власть». Ее составной частью выступает ст. 129, в которой юридически закрепляются особенности Прокуратуры Российской Федерации как единой централизованной системы. Такое построение конституционных норм, объединенных понятием «судебная власть» провоцирует правоприменителя на ошибочное отнесение прокуратуры к органам правосудия. А это чревато опасностью неадекватного восприятия конфликтной ситуации и ее последующего юридического регулирования. Получается, если прокуратура есть орган правосудия, то, следовательно, подготовленные ею материалы по конкретному противозаконному деянию есть не проект его юридической квалификации, а готовый и окончательный правоприменительный акт. В таком случае становится бессмысленным специальное судебное расследование, вне которого конструктивное развертывание и окончание юридического конфликта просто немыслимо.

В-третьих, факторная зависимость осуществляет видовую конкретизацию детерминации юридических конфликтов, и тем самым она отлича-

ется от действия юридических фактов в этом процессе. Последние вызывают к жизни единичные юридические конфликты, которые неразрывно связаны с персонифицированными контр субъектами. В отличие от этого понятие «факторы юридических конфликтов» выражает собой определенные общественные отношения и их своеобразные социальные изменения, в результате которых формируются особые конфликтогенные структуры и явления. Иначе говоря, в ходе общественного развития возникают специфические преступные деяния, которые ранее не могли выступать в виде неправомерного поведения в системе юридического противостояния людей. В частности, в УК РФ 1997 года включена глава 28, которая предусматривает разновидности преступлений в сфере компьютерной информации (Ст. 272 – 274). В УК РСФСР 1960 года они не предусматривались, ибо уровень технического развития страны и всего мира еще не характеризовался наличием значительного парка ЭВМ, при котором неправомерный доступ к компьютерной информации представлял бы большую общественную опасность.

В-четвертых, факторная зависимость правовых конфликтов включает в свой состав не только реальные действия людей, их поступки и поведение, но и их идейно-психологический настрой. Лица, становясь участниками юридического противоборства, всегда эмоционально переживают его ход и окончательный исход. При этом они могут испытывать чувство радости, удовлетворения или гнева, ярости, доходящих до состояния полного аффекта, если результаты юридического противоборства стали для них положительными или отрицательными. Можно сказать, что в состав факторов юридического конфликта входят как внутренние переживания, так и внешне выраженные, объективно существующие деяния людей.

В отличие от этого юридические факты не включают в свое содержание замыслы физических лиц, ибо сами по себе они не порождают конкретных правоотношений между персонифицированными контр субъектами.

Познавательное значение факторной зависимости юридических конфликтов все же ограничено, поскольку она не выявляет место и значение тех обстоятельств и явлений, которые участвуют в ее утверждении и развитии. Факторы правового противостояния людей могут быть причинные и не причинные, необходимые и случайные (провоцирующие), главные и второстепенно-вспомогательные. Научное познание юридических конфликтов предполагает движение мысли исследователя от уяснения их факторной зависимости к обнаружению причинно-следственной связи.

Причинная зависимость юридических конфликтов специфична, ибо она призвана ответить на вопрос об их происхождении и генезисе. Необходимо тут же отметить, что правильное его решение непосредственно связано с научным пониманием более общей темы: признанием или отрицанием объективной каузальной зависимости существования и развития права в целом.

В западной литературе (а в последнее время и у нас) Маркса традиционно упрекают за неоправданный перенос идеи причинности, выведенной из естественных наук, на явления общественной жизни. Отказ от расчленения общественных явлений на «причину» и «следствие» применительно к праву и юридическим конфликтам теоретически не обоснован и практически приведет только к негативным последствиям. Он потребует кардинальной ломки сложившегося понятийного аппарата действующего законодательства. Наш анализ показал, что категория причинение вреда используется в ст. 14, 27, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 67, 76, 91, 105, 109, 111, 112, 113, 114, 115, 117, 118, 146, 165, 176, 180, 182, 185, 195, 196, 197, 201, 202, 205, 207, 234, 235, 239, 248, 252, 254, 255, 256, 258, 263, 264, 266, 267, 268, 269, 296, 309, 333, 334, 335, 340, 341, 342, 343, 349, 350 УК РФ. Не свободен от этого и ГК РФ, в котором имеется специальная глава, посвященная обязательствам, возникающим в результате причинения вреда и неосновательного обогащения (Ст. 126 – 133). Подобные примеры можно продолжить, если обратиться к другим нормативно-правовым актам. Но и их достаточно, чтобы сказать: институт юридической ответственности и неразрывно связанные с ним юридические конфликты невозможно рационально выразить вне расчленения правовых явлений на «причину» и «следствие».

Замена последних на категорию «взаимодействие» не приближает нас к познанию глубинных основ правовых явлений, а лишь отдаляет от решения такой сложной теоретической задачи. Более того, она вносит путаницу и неразбериху в понимание происхождения юридических конфликтов в обществе. Категории «взаимодействие» и «причинность» не есть слова-синонимы. Нам могут возразить и сослаться на мнение Ф. Энгельса, который писал: «Взаимодействие является истинной... конечной причиной вещей».⁸ И все же нам представляется, что здесь речь идет о единстве взаимодействия вещей и их причинной обусловленности, а не о полном их то-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинение. – 2-е изд. Т. 20. – С. 546.

ждестве. Причинная зависимость явлений не может возникнуть, если отсутствует взаимодействие между ними.

Однако между названными категориями имеются и существенные различия, которые не характеризуются взаимозаменяемостью при сохранении смыслового значения соответствующего высказывания. Скажем, ст. 109 УК РФ гласит: «Причинение смерти по неосторожности наказывается ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на тот же срок». Здесь мы не можем осуществить словесно-логическую операцию замены терминов «причинение» на «взаимодействие», не искажая смысла воспроизведенной уголовно-правовой нормы. Более того, если мы скажем: «взаимодействие смерти по неосторожности наказывается ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на тот же срок», то высказанное правовое суждение становится нелепым, лишенным всякого познавательного значения для выявления криминального конфликта. Системность причинной детерминации юридических конфликтов характеризуется субординационными и координационными зависимостями между внутренними структурными элементами юридических конфликтов, а также взаимодействием последних с внешней социальной средой. Причем субординационная причинная детерминация объективных социальных противоречий и правовых конфликтов сопровождается разворачиванием «прямых» и «обратных» причинно-следственных связей между ними.

В блоке особых понятий, с помощью которых выстраивается модель детерминации юридического противоборства между людьми, их организациями и предприятиями, важное место занимает категория «источник юридического конфликта». На эту тему существует значительный разброс мнений, немалый набор неоднозначных теоретических позиций.

В решении отмеченного довольно спорного вопроса имеет принципиальное значение утверждение академика В.Н. Кудрявцева, подчеркнувшего, что неравенство есть источник конфликта, основными признаками которого являются различия в отношениях собственности, власти и статуса.⁹ Здесь заложена важная идея: в какой сфере общественной жизни следует искать источник юридических конфликтов.

Данное положение общей теории права имеет непосредственное отношение к пониманию источника юридических конфликтов, поскольку по-

⁹ См. .Юридическая конфликтология / под ред. В. Н.Кудрявцева. – М, 1995. – С. 111.

следние не существуют в отрыве от права и его производных. Мы полагаем, что их корень лежит не в отношениях политической власти и социального статуса людей, а в области экономического неравенства, детерминированного господством различных форм собственности, в составе которых частная форма присвоения занимает особое место. Именно об этом свидетельствует и драматическое развитие современного российского общества, в котором юридическая конфликтность как массовое социальное явление определяется прежде всего отношениями экономического неравенства, детерминированного объективным фактом существования различных форм собственности. Доминантное значение различных форм собственности и вытекающих из этого экономических противоречий и конфликтов в возникновении, развитии юридических конфликтов устойчиво сопряжено с непрерывностью взаимного существования и взаимодействия в процессе исторического движения. Цивилизованный мир не знает временных отрезков, в которых существовали бы юридические конфликты, но отсутствовали различные формы собственности, и наоборот.

Следовательно, если речь идет о юридической конфликтности как массового социального явления, то она определяется одним источником, который коренится в экономических отношениях различных форм собственности. Если же говорить об источнике единичных или отдельных разновидностей юридических конфликтов, то он имеет множество проявлений.

Достаточно сослаться на ст. 131, 132, 134, 135 УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы, чтобы сделать вывод о действии внеэкономического источника обозначенных уголовных правонарушений как особых внешних форм проявления юридических конфликтов, подчиняющихся в данных случаях не динамическим, а статистическим закономерностям.

При детерминации единичных юридических конфликтов особое значение приобретают провоцирующие зависимости как ее четвертый тип. Провоцирующая зависимость – это своеобразный повод, ускоряющий или замедляющий, вовлекающий или отторгающий дополнительные явления из различных областей общественной жизни, которые могут отодвинуть на задний план действие экономического источника применительно к конкретному случаю и занять его место. Поэтому детерминация единичных конфликтов подвергается своеобразной трансформации, где действует множество источников, в качестве которых могут выступать не только экономические, но другие явления общественной жизни.

Лекция 6. Типология и видология юридических конфликтов

Здесь произведена классификация юридических конфликтов на различные типы и виды, определение их специфики на основе выявления соответствующих признаков с использованием относительно самостоятельной группы особых понятий.

Научная мысль пытается осуществить классификацию социальных конфликтов вообще, правовых в особенности, и создать их стройную типологию. Рациональные идеи имеются как в западной, так и в отечественной литературе, где продуктивно развиваются концептуальные теоретические положения о типах конфликтов. Вместе с тем в этой области имеется немало невыясненного и незавершенного.

Преодолению отмеченного необходимо предпослать уяснение понятия «тип». В словарях иностранных слов, а также русского языка дается несколько значений термина «тип». Одно из них гласит о том, что тип – это форма, вид чего-нибудь, а также образец, которому соответствует известная группа предметов, явлений. Иначе говоря, данное значение термина «тип» провоцирует читателя на смешение его с понятием «вид».

В лекции выдвигается иной подход и считается, что классификация станет более продуктивной, если положить в основание содержания понятия «тип» другое его значение, которое выражает высшее подразделение в систематике анализируемых предметов и явлений. В логических отношениях типа и вида, последний есть нечто низшее. Тип есть нечто родовое, а вид – его различные модификационные проявления.

В лекции показывается, что если обратиться к некоторым типологиям конфликтов, то логические отношения между типом и видом просто не проясняются, что ведет к ошибкам в понимании данной проблемы. В отечественной литературе выдвинут справедливый тезис о том, что конфликты можно различать по сфере общественной деятельности, но с его решением трудно согласиться. При конкретном рассмотрении данного вопроса перечисляются следующие разновидности противоборства людей в обществе: политические конфликты, которые в свою очередь разделяются на внутривнутриполитические и внешнеполитические; национальные конфликты, которые разделяются на территориальные, языковые, межконфессиональные; производственные конфликты, которые связаны с проблемами подчинения и подчиненности работников, с забастовками; семейные конфлик-

ты, которые имеют эмоционально-психологические истоки; противоречия отцов и детей, разводы и их социальные последствия; бытовые конфликты, возникающие на улицах, в очередях, в транспорте и. т. д.¹⁰

В данной классификации родовым выступает понятие «социальный конфликт», его основанием (признаком) являются особенности различных сфер общественной деятельности. Если с такой постановкой согласиться, то бросается в глаза неполнота классификации, ее непоследовательность и незавершенность. Известно, что одним из логических правил научной классификации является соблюдение соразмерности объема делимого понятия, который должен быть равнозначен сумме объемов членов деления.

В нашем случае делимым понятием является «общественный (социальный) конфликт», а членами выступают политические, национальные, производственные, эмоционально-психологические, бытовые конфликты. Рациональное осмысление выше обозначенного подхода говорит о незавершенности предложенной классификации, ибо объем членов деления значительно уже объема делимого понятия, поскольку совсем не упоминается о нравственных и правовых конфликтах, как будто они не характеризуют особые сферы общественной жизни, что, конечно, не соответствует действительности.

В ходе становления отечественной правовой конфликтологии целым рядом авторов предложена классификация и юридических конфликтов. Довольно значительный материал на заданную тему представлен в монографии «Юридическая конфликтология» (1955). Нет сомнения в том, что предложенное в ней теоретическое решение классификации юридических конфликтов включает в свое содержание немало конструктивного, использование которого позволяет разъяснить студентам описываемый сюжет лекции.¹¹

В нем дано продолжение этой проблематики и особое видение еще не решенных вопросов классификации юридических конфликтов в рамках рассмотрения существенных различий между их типами и видами. В основании типологии юридических конфликтов положена противоположность коренных интересов их контр субъектов. По этому критерию юридические

¹⁰ Фролов С.В. Сотрудничество и конфликты: учебное пособие. – М: Юрист, 1997. – С. 190.

¹¹ Юридическая конфликтология. Ответственный редактор академик В.Н. Кудрявцев. М: РАН, 1955. – С. 85 – 177.

конфликты классифицируются на три основных типа: конфронтационные, неконфронтационные и конвергенционные. В видологии юридических конфликтов положены специфические признаки ведущих отраслей права. По данному критерию выделены следующие основные виды юридических конфликтов: конституционно-правовые, криминальные, административно-правовые, гражданско-правовые, трудовые и др. Причем их специфика раскрывается по линии взаимодействия их четырех составляющих и системообразующих элементов: контр субъектов, объекта, предмета и идейно-правовой компоненты.

Конфронтационно-правовые конфликты как особый их тип неразрывно сопряжен с такими своеобразными контр субъектами, один из которых обязательно характеризует деструктивную личность или организационное объединение людей. В их состав входят не только противники существующей государственной власти, но и представители правящей элиты, создавшие преступную политическую систему, нарушающую конституционные права и произвольно ограничивающую свободу человека.

Объект конфронтационно-правового конфликта неразрывно связан с особой юридической эскалацией между его контр субъектами, при которой ведущей тенденцией выступает обострение напряженности в их взаимоотношениях. Взаимные уступки, компромиссы, взаимовыгодные мирные переговорные процессы между ними либо совсем отсутствуют, либо результативность их просто ничтожна.

Предмет конфронтационно-правовых конфликтов выражает собой приобретения или потери фундаментальных ценностей человеческого существования, к которым относятся жизнь, свобода, здоровье, творчество, блага политического бытия, создающие необходимые условия безопасности личности и ее созидательной деятельности.

Идейно-правовая компонента конфронтационно-правового конфликта составляет обострение противоречий между ведущими принципами индивидуального и общественного сознания людей и действующими конституционными нормами. Неконфронтационно-правовые конфликты имеют в своей основе конструктивные отношения между их носителями, юридической эскалации которых свойственна господствующая тенденция ослабления состояния напряженности между контр субъектами, а предметами их противоборства в значительной степени выступают нефундаментальные ценности человеческого существования.

В видовых юридических конфликтах находит свое специфическое проявление как конфронтационное, так и неконфронтационное противоборство между людьми. Криминальные конфликты по своей сути и преобладающей мере выражают собой конфронтационный тип юридических взаимоотношений между их контрsubjектами. Такое же свойство присуще конституционно-правовым конфликтам. Что касается гражданско-правовых, административно-правовых, трудовправовых, процессуально-правовых коллизий, то здесь неконфронтационно-правовой тип взаимоотношений между физическими и юридическими лицами становится ведущей тенденцией их социальных взаимодействий.

Лекция 7. Конституционно-правовая разновидность юридических конфликтов и ее особенности

В данном сюжете раскрывается неодинаковое отношение законодателя к понятию «конфликт». В некоторых конституциях западных стран термин «конфликт» встречается в их текстах. В частности это наблюдается в Основном законе Испании (Ст. 134). В других странах отдается предпочтение термину «спор», что, к примеру, зафиксировано в Конституции Италии (Ч. 3 ст. 93). Если говорить о законодательстве советского периода, то в нем вопрос о спорах и конфликтах между республиками и другими государственными структурами, входящими в СССР, вообще не затрагивался. Господствующая официальная идея о социально-политическом единстве советского народа, в основе которой лежит утверждение о союзе рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, дружбе наций и народностей, не оставляла места для признания возможности конституционных конфликтов между ними. В постсоветский период наш законодатель тоже не оперирует понятием «конституционно-правовой конфликт», отдавая предпочтение термину «спор». (См. Конституция РФ, ст. 125, п. «б», «в»).

В отечественной юриспруденции вопрос о существовании конституционно-правовых конфликтах в современном российском обществе решается неоднозначно, что со всей очевидностью обнаружилось в дискуссии за «круглым столом» в редакции журнала «Государство и право». На этот счет в ней четко определились три основных теоретических позиции. Во-первых, профессор В.Л. Туманов решительно не согласился с тем, что

Конституция РФ находится в некоем конфликте (с кем: обществом, гражданином?), а тем более в ситуации кризиса. По его мнению, в российском обществе конституционный конфликт был в прошлом, но сейчас, поскольку Основной закон государства обеспечивает стабильный общественный порядок, его нет. Во-вторых, профессора Т.Н. Радько, В.П. Казимирчук и некоторые другие участники дискуссии со всей определенностью подчеркнули, что в современном российском обществе налицо конституционно-правовой конфликт. В-третьих, старший научный сотрудник ИГП РАН РФ И.А. Ледях указал, что если суммировать факты нашей действительности, то они свидетельствуют о кризисе Конституции РФ.¹⁷

Мы отдаем предпочтение теоретической позиции, согласно которой конституционно-правовые конфликты реально существуют в российском обществе, о чем наглядно свидетельствуют чеченские события, в которых противостояние одного из субъектов федеративного государства с его центральными государственными органами приобрело наиболее острые формы, сопряженные с довольно длительными военными действиями.

Конституционно-правовой конфликт специфичен по своему структурному составу. Смысл ст. 125 Основного Закона РФ говорит о том, что его контрсубъектами могут выступать: федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, граждане как носители конституционных прав и свобод в случае их нарушения.

Объект конституционно-правового конфликта многогранен, ибо его содержание может характеризоваться не только противостоянием федерального центра и органов субъектов РФ, но и единством, и противоположностью действий законодательной и исполнительной власти. Постановка вопроса со стороны Государственной Думы о доверии или недоверии Правительству Российской Федерации – это своеобразное проявление конституционно-правового конфликта. Его развертывание говорит о том, что работа правительства со стороны Государственной Думы может быть оценена как положительно, так и отрицательно, что является свидетельством юридической эскалации между ними и волнообразности соответствующего противостояния. Государственная Дума РФ неоднократно ставила вопрос о доверии к правительству, выносила отрицательные оценки о его работе, но

¹⁷ См; Конфликт закона и правовая реформа: «Круглый стол» ИГП РАН / Государство и право. – 1997, № 12 – С. 8,11, 13.

ни разу не приняла решение о недоверии к нему. Видимо, в деятельности нижней палаты Российского парламента сказывается инстинкт самосохранения, так как повторное выражение недоверия правительству дает право Президенту РФ объявить об отставке правительства или распустить Государственную Думу.

Предметом конституционно-правового конфликта могут быть фундаментальные ценности общественного развития: различные формы собственности, включающие в себя: частную, государственную, муниципальную и иные разновидности; демократическое социальное правовое федеративное государство с республиканской формой правления; политическое и идеологическое многообразие; неотчуждаемые основные права и свободы человека, которые принадлежат ему от рождения и другие.

Конституционно-правовой конфликт специфичен и по характеру своей идейно-правовой компоненты, в качестве которой выступают противоречия между политико-юридическими взглядами людей и соответствующими нормами, а также коллизии в содержании последних. Последние были обнаружены и устранены в своей значительной части в результате деятельности администрации вновь образованных федеральных округов. Только за неполный 2000 год 3300 нормативно-правовых актов органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации были приведены в соответствии с центральным законодательством. Плюрализм мнений как принцип демократического государства неизбежно дает о себе знать в процессе развертывания конституционно-правовых конфликтов, так как в результате этого возникает критика деятельности существующих институтов власти, должностных лиц, их представляющих, особое видение содержания наличных законоположений.

Лекция 8. Криминальный конфликт

Своеобразие криминального конфликта по линии контрсубъектного состава состоит в том, что в качестве его носителей могут быть только физические лица. Осуществление ими противоборства в немалой степени зависит от физических усилий, связанных с деятельностью мышц и мускулов человека. В состав физической силы, используемой ее контрсубъектами, входят и технические средства, применяемые, как инструмент насилия. Конечно, деятельность физических лиц в криминальном конфликте нельзя сво-

доть только к физической силе. Действие последней приобретает информационно-цивилизованную форму, ибо применение силы требует сбора фактов, статистических данных, анализа документов изучения материалов экспертиз и т.д. с целью обеспечения полноты знаний о существе возникшей конфликтной ситуации, о своем контрсубъекте для выработки стратегии и тактики правомерного или неправомерного поведения.

Наказание преступника есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, которая является действием тоже физико-психического свойства. Согласно ст. 45 УК РФ такими основными мерами государственного физико-психологического принуждения являются обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы, смертная казнь. И здесь очевидно, что все это нельзя применить по отношению к юридическому лицу. Оно не может быть подвергнуто смертной казни, отправлено в места тюремного заключения и т.д.

Криминальный конфликт неразрывно сопряжен с целым рядом особенностей, свойственных его объекту, то есть противоборству между правомерной и неправомерной деятельностью контрсубъектов, в основе которого лежит действие статистических закономерностей. Это проявляется в том, что криминальное противоборство разворачивается во времени и социальном пространстве, многообразии его различных специфических форм, что находит свое выражение в следующем.

Первая особенность сопряжена с дуалистичностью, двойственностью криминального противоборства. С одной стороны, в уголовно-правовом конфликте наблюдается противостояние преступника и потерпевшего, а с другой – противоборство соответствующих правоохранительных органов и преступника. Названная дуалистичность криминального конфликта сопровождается острой конфронтационностью отношений между контрсубъектами, поскольку одна из его сторон является носителем уголовных правонарушений как особо опасных антиобщественных деяний, создающих трудно восполнимый вред обществу и человеку.

Вторая особенность объекта криминальных конфликтов выражается в возможности наполнения его содержания таким противоборством, которое приобретает при определенных условиях социально «взрывной» характер. Академик В.Н. Кудрявцев отмечает, что развитие криминальных инцидентов характеризуется сильно выраженной юридической эскалацией,

представляющей собой, как правило, постепенный переход от менее интенсивных к более интенсивным конфликтам – антиобщественным действиям.¹⁸ Нередко они приобретают скачкообразный характер, что наблюдается, в частности, при насильственном захвате власти или насильственном удержании власти (Ст. 278 УК РФ), вооруженном мятеже (Ст. 279 УК РФ), диверсии (Ст. 281 УК РФ), возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды (Ст. 282 УК РФ).

Третья особенность разворачивания криминального противоборства определяется сочетанием совершения и повторения рационально задуманных и обдуманых уголовных деликтов и их спонтанных и ситуативных проявлений. Преобладающая часть преступлений является результатом сознательной деятельности людей, которые нередко показывают немалую изобретательность в реализации антиобщественного замысла и сокрытии следов их действительного воплощения. Но некоторые из них носят спонтанный и ситуативный характер, к которому, к примеру, можно причислить убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения или аффекта (Ст. 107 УК РФ). К этому же ряду криминальных конфликтов относятся инциденты, появляющиеся в результате общения ранее незнакомых людей и происходящие в общественных местах; на улице, в парке, в барах, кафе, ресторанах, на вокзалах и в других местах общего пользования.

Криминальному конфликту присуща и специфичность предмета юридического противоборства между его контрсубъектами, поскольку в этом качестве выступают высшие человеческие ценности: жизнь человека и его здоровье, свобода гражданина, равноправие граждан, собственность, основы конституционного строя и другие.

Криминальному конфликту характерна своя идейно-правовая компонента, в качестве которой становятся противоречия между уголовно-правовыми взглядами людей и соответствующими юридическими нормами, а также юридические коллизии в содержании последних. Дело в том, что различные структурные элементы идейно-правовой компоненты обладают неодинаковыми тенденциями движения. С одной стороны, уголовно-правовые взгляды могут опережать изменения государственно-уголовных предписаний, а с другой – способны отставать от требований последних, что при определенных условиях создает конфликтную ситуацию.

¹⁸ См. Юридическая конфликтология / отв. ред. акад. В.Н. Кудрявцев. – М, 1995. – С.163.

Лекция 9. Административно-правовой конфликт

Специфика его контрsubjектного состава состоит в том, что в качестве его носителей выступают чиновник и подчиненный в системе государственного аппарата. Общеизвестно, что чиновничество как совокупность лиц, состоящих на гражданской службе в государстве, составляет особую группу людей, сопряженной с внутренней дифференциацией на различные подгруппы, официально закрепленные соответствующими понятиями: «чин», «ранг», «класс», «разряд». Федеральный закон «Об основах государственной службы Российской Федерации» по своему учреждает административно-правовую систему государственных чинов в трех измерениях: категории, группы, разряды. Категорий три: «А», «Б», «В»; групп пять, называются они: «высшие», «главные», «ведущие», «старшие» и «младшие должности» государственной службы.

Подчиненный, как другой контрsubjект административно-правового конфликта, характеризует собой определенную зависимость своего служебного положения по отношению к чиновнику. Слово «подчиненный» как раз и подчеркивает такое состояние должностного лица, при котором над ним стоит более высокий чин. Однако в качестве подчиненного не обязательно должно выступать только должностное лицо, ибо в этом качестве может быть и любой гражданин, зависимый от чиновника.

Объект административно-правового конфликта, представленный противостоянием интересов его контрsubjектов, регулируется отношениями строгой субординации, властно-юридическими зависимостями, образно выражаемыми соответствующими терминами: «команда» и «исполнение». Равенство всех перед законом не означает полного совпадения прав чиновника и подчиненного. Характер административно-правовых зависимостей как властеотношений предопределяется доминирующим положением субъекта управления (управляющего, менеджера, чиновника). Другая сторона административно-правового противостояния (управляемый, исполнитель, подчиненный) является носителем интересов меньшей социальной значимости. Поэтому объект административно-правового конфликта всегда сопровождается неравенством воли, прав чиновника и подчиненного, что вызывает нередко юридическую эскалацию отношений между ними, которая, однако, является менее социально вредной, чем это наблюдается в криминальном противоборстве.

Противоборство чиновника и подчиненного в административно-правовом конфликте неразрывно связано с бюрократией как довольно распространенным социальным явлением, социальное значение которой оценивается неравнозначно. По Марксу бюрократия выглядит абсолютным злом. По Веберу бюрократии свойственен целый ряд положительных признаков, к которым он относит иерархическую субординационность всех субъектов исполнительной власти, их связанность нормами, законами и административными процедурами. Представляется, что здесь наблюдается две крайности, которые в полной мере не могут быть истинными.

Если концепцию К. Маркса о бюрократии считать верной, то неизбежно напрашивается вывод о необходимости постоянной и наступательной борьбы против отношений субординации и связанности субъектов исполнительной власти процедурными правилами, что приведет не к преодолению административно-правовых конфликтов, а к их обострению и увеличению. Если истинна теоретическая позиция Вебера, то вне существования бюрократии нормальное развитие и разрешение административно-правовых конфликтов просто невозможно. Налицо явные теоретические трудности, требующие рационального объяснения.

В лекции показывается, что выход из создавшегося положения лежит на путях разведения понятий «бюрократия» и «чинокрафия». Известно, что слово «бюрократия» французско-греческого происхождения, буквально означающего «власть бюро, канцелярии, письменного стола», которая не может эффективно функционировать без бумаги. Отсюда нелепо объявлять борьбу против текстов и письменных столов, на которых создаются государственные предписания, поскольку нормы права (административные в особенности) объективируются только через бумагу. В этом отношении прав М. Вебер, и не прав К. Маркс, отстаивая по отношению к бюрократии абсолютно нигилистическую позицию.

Поэтому все отрицательное, что приписывается бюрократии в целом в действительности присуще чиновничеству, то есть чрезмерной власти чиновников. Последние не могут быть абсолютно бесстрастными арбитрами, они склонны использовать свое служебное положение в собственных интересах. Социологические опросы, проведенные в некоторых областях России, показывают, что 45 % респондентов из 2500 опрошенных заявили, что чиновничество в своей деятельности реализует прежде всего свои лич-

ные интересы.¹⁹ Это становится питательной почвой для возникновения административно-правовых конфликтов, в которых «чинокрайская» деформация индивидуального сознания особенно заметна. Деформация сознания чиновника имеет самые разнообразные формы. В общении с подчиненными он нередко маскирует свои цели и пытается выдать себя за подлинного законника, стоящего на страже интересов государства и общества.

В отличие от объекта предметом административно-правового конфликта выступают ценности организации распорядительно-исполнительной государственной власти. К ним относятся: наличие четко зафиксированной юрисдикции органов распорядительно-исполнительной власти; иерархическая организация структуры государственного аппарата, основанная на твердо установленных принципах должностной субординации; формализованная деятельность государственных служащих, сопряженная с распространением информации, принятием решений, директив, осуществляемых с помощью письменных документов, подлежащих последующему хранению.

Административно-правовой конфликт имеет и собственную идейно-правовую компоненту, которая составляет противоречивое взаимодействие соответствующих взглядов и норм. Поскольку его объект противоречив, то такое состояние детерминирует двойственность идейно-правовой компоненты, выражающей противоположность отношения к действующим аппаратно-организационным структурам, должностным лицам, их обслуживающих, юридическим нормам, регулирующим их действия и поведение.

Показательным примером могут служить результаты недавнего обсуждения законопроекта «Кодекс служебного поведения должностных лиц государственных органов и государственных служащих», который 24 апреля 2003 года при голосовании в Государственной Думе РФ не получил поддержки со стороны депутатов. Отрицательно отнеслись к названному документу 100 % депутатов фракции «Единство», 83 % депутатов фракции «Народный депутат», 72 % депутатов фракции «Регионы России», а с ними и 100% депутатов партийной фракции «ЛДПР». Удивительно, но все это произошло в обстановке, при которой замечаний по законопроекту во-

¹⁹ См. Комаровский В.С., Тимофеева Л.Н. Конфликты граждан с чиновниками, почему и отчего? / Государство и право. – 1997, № 10. – С.5.

обще не было ни от депутатов, ни от правового управления Государственной Думы РФ.²⁰

Оказалось, что ведущим мотивом по существу абстракционистского отношения к данному законопроекту явилось наличие в нем идеи «запрета на конфликт интересов». Суть ее заключается в том, что и министрам, и рядовым чиновникам запрещается принимать решения и совершать действия (и участвовать в их подготовке), влекущие юридические последствия в отношении заинтересованного лица. Иначе говоря, никто, даже министр, не может принимать решения в отношении юридических лиц, владельцем или совладельцем которого является он сам или его родственники. Идея запрета на конфликт интересов конструктивна, ибо ее осуществление создает немалые преграды на пути антиобщественной деятельности коррумпированных чиновников. Но она, как ни парадоксально звучит, была отвергнута преобладающей частью депутатов Государственной Думы РФ.

Лекция 10. Гражданско-правовой конфликт

Своеобразие его структурного состава характеризуется наличием особых его носителей, в качестве которых выступают частно-индивидуальные и юридические лица. По своей роли контрсубъекты гражданско-правовых конфликтов находятся в различных функциональных отношениях. Они могут выступать в качестве продавца и покупателя, заказчика и подрядчика, поставщика и заказчика, кредитора и должника, залогодателя и приобретателя, перевозчика и получателя, арендодателя и арендатора и т.д.

Специфичность контрсубъектов гражданско-правового конфликта выражается также в том, что при определенных условиях они могут поменяться местами. Это особенно ярко проявляется в случаях предъявления встречного иска, когда каждый контрсубъект выступает в двойной роли – в качестве истца и одновременно ответчика. В других рассмотренных разновидностях правовых конфликтов перемена места в положении контрсубъектов не наблюдается.

Объектом гражданско-правовых конфликтов является противостояние частных интересов контрсубъектов товарного обмена, сфера которого в условиях рыночного хозяйства существенно расширилась. Рынок в современном российском обществе стал полем самых разнообразных кон-

²⁰ См. Независимая газета, 2003, 10 июля.

фликтов, специфически проявляющихся в гражданско-правовом противоборстве людей.

В перечень отличительных свойств гражданско-правовых конфликтов следует отнести горизонтальное, координирующее воздействие противоборства контрsubjектов в отношениях друг к другу, поскольку они не находятся в отношениях подчинения. Здесь не применимы категории административно-правового конфликта и прежде всего понятия «чиновник» и «подчиненный». Поэтому контрsubjекты гражданско-правового конфликта не выражают собой борьбу «высшей» и «низшей» инстанций, так как отношения между его основными участниками регулируются такими юридическими правилами, которые представляют собой систему «норм-координаторов» и «норм-соглашений», утверждающих консенсуальность их действий в товарном обороте материальных и нематериальных благ.

В состав специфических черт гражданско-правового конфликта входит его «антиспонтанность», которая отрицает возможность возникновения «аффектного» противоборства между его контрsubjектами. Гражданско-правовые отношения между ними – это рационально осознанные институциональные связи между частно-индивидуальными и юридическими лицами, поскольку они утверждаются на основе подготовки и заключения специальных договоров в соответствии с требованиями действующего законодательства. Здесь нет места аффекту, ибо текст названного довольно сложного официального документа не напишешь в состоянии сильного, бурно протекающего и относительно кратковременного эмоционального переживания, нередко сопровождаемого яростью, ужасом, плачем и существенным сужением творчески созидательных начал индивидуального сознания.

В совокупность особенностей гражданско-правового конфликта, развертывания его объекта включается «антифизическая» стадия его ликвидации. Последняя свойственна не всем юридическим конфликтам, ибо она присуща прежде всего криминальным конфликтам. В частности можно сослаться на ч. 1 ст. 108 УК РФ, предусматривающую наказание за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, в результате которого противоборство между двумя контрsubjектами прекращается, ибо один из них исчезает физически и перестает жить как разумное существо.

В отличие от криминального конфликта при ликвидации гражданско-правового противостояния людей, составляющие его юридические лица могут прекращать свое существование не в силу физической смерти людей, а в следствие двух основных экономико-юридических операций: поглощения и банкротства. Под поглощением, как правило, подразумевается радикальное изменение во владении контрольным пакетом акций. Оно может осуществляться как инвестором (акционером) данного акционерного общества, так и внешним инвестором. Под банкротством (согласно ст. 61 ГК РФ) подразумевается «ликвидация юридического лица, его прекращение без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства другим лицам». Конечно, в ходе осуществления поглощения и банкротства могут произойти летальные исходы с отдельными людьми, входящими в состав юридического лица. Однако не их физическая смерть определяет специфику поглощения и банкротства, которые могут произойти с легально признанными предприятиями и организациями, ставшими контр субъектами гражданско-правового конфликта.

Отмеченные особенности объекта гражданско-правового конфликта накладывают своеобразную печать на юридическую эскалацию между его носителями. Здесь ведущей тенденцией выступает своеобразная волнообразность состояния борьбы между контр субъектами, когда социальная напряженность между ними нередко спадает и довольно часто завершается мирным исходом, что вполне естественно, ибо гражданско-правовые деликты составляют структурные элементы проступков, а не преступности и потому не являются социально-опасными для общества.

Предмет гражданско-правового конфликта также не свободен от своих специфических особенностей. Новый ГК РФ (Ст. 128) существенным образом обогатил предметный состав гражданских прав человека, хотя он и не оперирует соответствующим термином. В предмет гражданских прав и вытекающих из них возможных юридических конфликтов он включает не только вещи, но и целый ряд не вещественных явлений. Однако набор предметов гражданско-правового конфликта не может быть всеобъемлющим. Материальные и духовные явления могут стать предметом гражданско-правового конфликта только тогда, когда они имеют ценность, обладают стоимостью и потребительной стоимостью.

Идейно-правовая компонента рассматриваемой разновидности юридических конфликтов состоит из двух слагаемых: «рыночного» граждан-

ско-правового сознания и рассогласованных юридических норм частного права, что порождает противоречивую двойственность в мотивах действий физических и юридических лиц. В частности, выявилось противоречие между нормами, регулирующими сделки с земельными участками. Здесь можно назвать положение о запрете отчуждения земельного участка без находящегося на нем здания, строения, сооружения в случае, если этот участок и здание принадлежат одному лицу (ЗК РФ, п. 4 ст. 35). Поскольку в данном случае мы имеем дело с чисто гражданско-правовой нормой Земельного кодекса РФ, то она прямо противоречит соответствующим положениям ГК РФ (Ст. 209), позволяющим собственнику совершать любые сделки с недвижимостью.

Лекция 11. Трудоправовой конфликт и его особенности

Здесь показывается, что он занимает относительно самостоятельное место среди разнообразных социальных коллизий между людьми, особенности которого до конца еще не выяснены как в специальной литературе, так и в законодательном правотворчестве. Профессор С.Ф. Фролов пишет: «Наши законодатели внесли немалую путаницу, когда расширили определение трудового конфликта, включив в него все спорные вопросы...»²¹. Нам же представляется, что отечественному законодателю свойственна иная позиция: расширительное понимание спора, в результате чего в его содержание включен и трудовой конфликт.

Об этом свидетельствует не только текст ТК РФ, в котором термин «трудовой конфликт» вообще отсутствует. То же самое говорят и другие, более ранние нормативно-правовые документы. В этом отношении показателен Федеральный закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров», принятый Государственной Думой РФ 20 августа 1995 года. В нем насчитывается 27 статей, включающих около 90 частей, но ни в одном пункте нельзя найти категорию «трудовой конфликт». Вместо него фигурирует только одно понятие – «трудовой спор». Создается впечатление, что наш законодатель, сам того не сознавая, провоцирует возрождение бесконфликтной модели трудовых коллективов, господствовавшей в нашем обществе в советское время.

²¹ См. Фролов С.Ф. Социология: сотрудничество и конфликты: учеб. пособие. – М; 1997. – С. 174.

Контр субъектами трудового конфликта выступают работодатель (собственник) и наемный работник (или группа наемных работников). Субъекты трудового конфликта не только предполагают друг друга, но и находятся в состоянии социальной противоположности. С отказом российского государства от монопольного положения в отношении собственности, управления производством и трудом, социально-экономическая ситуация в стране резко изменилась. Произошла ощутимая поляризация участников общественного труда на собственников (работодателей, нанимателей) и наемных работников. Поляризация интересов работодателей и работников создает объективную основу для различных разногласий, споров и конфликтов между ними в области социально-экономических и трудовых отношений.

Важнейшая особенность контр субъектов трудового конфликта состоит в том, что их ролевое назначение ограничивается рамками социального пространства деятельности конкретного юридического лица (предприятия, организации, учреждения) и в пределах рабочего времени. Продолжительность рабочего времени по законодательству РФ не может превышать 40 часов в неделю. Поэтому трудовой конфликт между работодателем и работником по общему правилу может быть таковым только в указанных пространственно-временных границах. За пределами последних контр субъекты трудового конфликта теряют свое специфическое качество и могут стать потенциальными носителями других социальных коллизий.

Объектом трудового конфликта является юридическое противостояние между работодателем и наемным работником, состояние которого тоже может быть разнообразным. И в данной сфере общественной жизни возможно обострение социальной напряженности, что особенно заметно при переходе индивидуальных трудовых конфликтов в коллективные. Тем самым индивидуальные и коллективные трудовые конфликты (забастовки) характеризуют неодинаковые уровни противостояния работодателя и работника, состояния социальной напряженности между ними. Переход одного в другое выражает собой нарастающую тенденцию в юридической эскалации противостояния между контр субъектами трудового конфликта.

Однако, трудно согласиться с категорическим утверждением французского правоведа А. Рудилия, который пишет: «Трудовые конфликты

можно рассматривать как выражение фундаментальных противоречий социальной организации или же просто как проявление воинственных настроений, которыми следовало бы управлять»²². Здесь допущены явные передержки, ибо в значительной части индивидуальных трудовых конфликтах вряд ли можно найти обострение фундаментальных противоречий социальной организации и состояние воинственности между работодателем и работником. При определенных условиях состояние «воинственности» между контр субъектами трудового конфликта, то есть довольно острого его обострения может проявиться в забастовочном движении, когда экономические требования о повышении заработной платы и ее современной выплате сменяются политическими требованиями об отставке правительства, главы государства, сопровождаемые разрушительными действиями людей (перекрытием транспортных магистралей, насильственным смещением руководителей, уличными беспорядками и т.д.). Ситуации подобного рода имелись в российском обществе в конце 80-х и 90-х годов, когда наблюдался сильный рост забастовочного движения шахтеров и некоторых других слоев населения, сопровождаемого политическими требованиями отставки глав государства М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина.

Предметом трудового конфликта выступает имущественная ценность, созданная в результате созидательной деятельности коллектива юридического лица или отдельной личности, за что контр субъекты получают заработную плату. Если в гражданско-правовом конфликте его предметом становится товарная эквивалентность имущественных ценностей, то в трудовом противоборстве – соответствие (несоответствие) между созидательным деянием и имущественно-финансовым, а нередко и моральным воздаянием.

Идейно-правовой компонентой трудового конфликта выступают противоречия между новыми деловыми идеями и устаревшими нормами трудового права. В современном российском обществе такое состояние проявляется, в частности, между требованиями надлежащего исполнения работником своих трудовых обязанностей и их нарушениями.

²² См; Трудовое право в капиталистическом государстве / Ф. Коллэн, Р. Докуа, П. Гутьер [и др.]; пер. с фр. М, 1980. – С. 80.

Лекция 12. **Функции и роли правовых конфликтов**

В этой части методической разработки раскрыта специфика общих функций юридических конфликтов, их назначение и действие в обществе и жизни человека. Они являются по своей сущности парными и двойственными, так что составляющие их правовые противоположности не только находятся в единстве, но в определенном смысле взаимно отрицают друг друга.

Первая пара выражает противоположность сигнально-информационной и сигнально-деинформационной функций, назначение которых состоит в предупреждении контрsubjектов юридического конфликта о возникшем между ними разладе и получении ими противоречивых (верных и неверных) сведений о причинах и путях их преодоления. Разлад говорит о неблагополучном состоянии основных носителей юридического противоборства, которое не может их удовлетворить, так как оно нарушает согласованные взаимные действия, направленные на реализацию различных, но все же взаимосвязанных потребностей и интересов.

Назначение сигнально-информационной функции юридического конфликта состоит прежде всего в том, чтобы снять противоречие между видимостью и его сущностью на основе получения достоверных знаний. Сведения о юридическом конфликте собираются с помощью представителей юрисдикционных и компетентных органов государственной власти и общественных неправительственных структур. Однако преобладающая часть информации о состоянии возникшего правового противоборства между людьми в подлинном смысле «добывается» в ходе предварительного и судебного расследования.

Сигнально-деинформационная функция юридического конфликта неразрывно связана с действием его участников как носителей ложной, ошибочной информации о существовании конфликтной ситуации, возникшей между ними. Поскольку интересы контрsubjектов не совпадают по своей направленности, сведения друг о друге они нередко стремятся исказить. В результате формируется негативный образ другого, в ряде случаев складывается образ «врага», что рельефно наблюдается в особо опасных криминальных конфликтах.

Носителями ложных и ошибочных сведений могут быть не только контрsubjекты, но и другие участники юридического конфликта. В этом

отношении не является случайным существование специальных статей в системе процессуального права, предусматривающих ответственность третьих лиц судебного разбирательства за дачу заведомо ложных показаний (Ст. 55, 56, 57 АПК РФ, ст. 70, 85 ГПК РФ, ст. 56, 57, 59 УПК РФ). Противоречивость единства сигнально-информационной и сигнально-дезинформационной функций создает реальную возможность обострения коллизий между структурными элементами юридического конфликта.

Вторая пара выражает противоположность установочно-нормативной и установочно-ненормативной функций, действие которых создает противоречивую готовность контр субъектов потенциального юридического конфликта в их отношениях к требованиям правовых норм. Установочно-нормативная функция сопровождается позитивными последствиями, если она сопряжена с осведомленностью и убежденностью контр субъекта о действительности ценности идейно-нормативной компоненты юридического конфликта как необходимого элемента человеческой культуры.

Установочно-ненормативная функция сопровождается негативными последствиями, ибо она неразрывно связана с противоправной готовностью контр субъекта юридического конфликта, которая является результатом возникшей коллизии между индивидуальным сознанием данной личности и общеобязательным требованием закона. Все это непосредственно детерминирует субъективный волевой акт деструктивного контр субъекта, направленного на реализацию неправомерного умысла, либо на несовершение необходимых и должных действий, что сопряжено с очередной парой функций юридического конфликта.

Третья пара выражает противоположность нормативно гармоничной и нормативно дисгармоничной функций, действие которых детерминирует рассогласованность общеобязательных юридических требований, обращенных к сознанию и поведению контр субъектов юридического конфликта. Правовая нормативная гармоничность и дисгармоничность взаимно предполагают друг друга. Абсолютной согласованности всех правовых требований, предъявляемых к человеческому поведению нет и быть не может, ибо такое состояние возможно только при условии их полной неизменности, чего не бывает в общественной жизни. Точно также всеобщей дисгармоничности между законодательными установлениями не существует в обществе, так как это означало бы утверждение в нем анархии и ненормативного беспредела.

Нормативно-гармоничная функция закрепляет относительно устойчивые параметры структуры юридического конфликта, которые обеспечивают их постоянное значение при решении задачи его необходимого и конструктивного преодоления. Во всех странах мира юридическое нормосознание включает в свое содержание идентичные понятия: «измена государству», «шпионаж», «диверсия», «получение взятки», «дача взятки», «убийство», «вандализм», «контрабанда», «кража», «изнасилование», «грабеж», «разбой», «физическое лицо», «юридическое лицо», «покупатель», «продавец», «объекты гражданских прав», «исковая давность», «право собственности», «заказчик», «подрядчик» и другие.

Нормативная гармония и дисгармония в системе юридического конфликта не занимают равнозначные места. Несмотря на наличие определенных отклонений от общей тенденции прогрессивного развития права, которые порой приобретают существенное значение, приоритетную роль в конечном счете приобретает нормативная гармоничность.

Четвертая пара функций юридического конфликта выражает противоположность дозволительных и запретительных действий, обострение противоречий между которыми усиливает социальную напряженность взаимоотношений контрsubjектов и других участников правового противоборства.

Дозволительная функция юридического конфликта непосредственно связана с нормативностью действий одного из контрsubjектов по воплощению в жизнь правомочий и соответствующих обязанностей, что обеспечивает необходимые рамки свободы для своевременного и результативного снятия противоречий между ними.

Запретительная функция юридического конфликта выражает собой наличие реального факта невоздержания от совершения социально-вредного деяния со стороны того или иного контрsubjекта, что сопряжено с определенными потерями социальных благ.

Дозволительная и запретительная функции в своем противоречивом единстве придают юридическому конфликту особое состояние, в котором его участники осуществляют своеобразный «тренинг» – целую систему правовых упражнений, практических приемов, позволяющих придать конкретному, отдельному противоборству физических и юридических лиц конечный характер. Если дозволительная функция, сопровождаемая реализацией правомочий и правообязанностей, обеспечивает приоритет и свободу

для правомерных действий контрsubjектов, то запретительная функция закрепляет несвободу незаконных действий, что и создает обстановку конструктивного завершения конфликта.

В лекции раскрывается идея о неправомерности отождествления роли юридического конфликта как целостного образования с отдельными функциями его составных структурных элементов. Последние конкретизируют и детализируют ролевое назначение юридического конфликта в обществе. Поэтому «функция» и «роль» правового конфликта соотносятся как частное к общему, где первое более подвижно и динамично, чем второе. Отмечается спорность вопроса о ролевом назначении конфликта вообще и юридического в особенности. Особо отмечается, что воздействие юридических конфликтов на общественные отношения всегда двойственно, соотношение между их конструктивными и деструктивными функциями динамично, так что в зависимости от наличных социальных условий доминантой может стать как позитивное, так и негативное начало. В конечном счете итоговое, комплексное влияние на социальные отношения определяется доминирующей стороной юридического конфликта.

Лекция 13. Механизм преодоления юридических контактов

В ней рассматривается механизм преодоления правовых конфликтов, развертывающихся в обществе как на макросоциальном, так и микросоциальном уровнях, каждый из которых представляет своеобразное устройство юрисдикционных органов, их субъектно-объектных, субординационно-координационных, идейно-нормативных зависимостей.

Макросоциальный уровень механизма преодоления юридических конфликтов характеризуется тем, что правоохранительные органы государства и суды относятся к различным ветвям власти. Если первые выражают собой исполнительную власть, то вторые – судебную власть.

Суды являются ведущим субъектом преодоления юридических конфликтов. Правосудие есть особый вид государственной деятельности, направленной на рассмотрение различных видов конфликтов, затрагивающих правовую сферу общественной жизни. Правосудие занимается преодолением не любых конфликтов, которых в обществе великое множество, ибо значительная часть из них снимается внесудебными способами на основе использования общественного мнения, деятельности квазисудебных органов.

Суды рассматривают юридические конфликты, да и то не все, а лишь те из них, которые в значительной степени носят общественно-опасный характер, ибо они затрагивают жизненные интересы как общества, государства, так и человека, и гражданина. Авторитет судебных инстанций как таковых не является достаточным в решении сложных конфликтов человеческой деятельности. Регулятивная сила их правоприменительных актов освещается авторитетом высших органов власти. В Российской Федерации это достигается тем, что согласно Конституции РФ (Ст. 128) судьи Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего арбитражного Суда РФ назначаются Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации. Судьи других федеральных судов назначаются Президентом Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом.

Особенностью субординационного и координационного начала деятельности судебных коллегий состоит прежде всего в том, что они независимы не только по отношению к правоохранительным органам исполнительной власти, но и в своих деловых связях с другими государственными структурами и неправительственными учреждениями. В Конституции РФ (Ст. 120) записано: «Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному Закону». В лекции отмечается, что на практике этот конституционный принцип нередко нарушается, что усиливает актуализацию продолжения судебной реформы в современном российском обществе.

Судебная деятельность не может быть ограничена рассмотрением отдельного и единичного юридического конфликта. Суды – это не временные, а постоянные органы государственной власти, в результате осуществления которой выстраивается целая череда рассмотренных коллизионных дел. В ней не исчезают субординационно-координационные юридические зависимости, поскольку на их основе происходит своеобразная «сортировка» конфликтных инцидентов на различные группы и виды в соответствии с отраслевой структурой действующей системой права. Сортировка осуществляется с помощью юридической категории «подсудность», которая выражает собой необходимость распределения между судами дел, подлежащих рассмотрению.

Раскрывая микросоциальный механизм преодоления юридических конфликтов, в лекции указывается, что он непосредственно связан не с

большими группами людей и их деятельностью, а с межличностными отношениями. Если при анализе макросоциального механизма разрешения юридических конфликтов необходимо обращаться к действию государственных политических институтов, судебных инстанций применительно к необходимости снятия определенного множества правовых коллизий, то микросоциальные субординационно-координационные зависимости раскрывают прежде всего судебно-организационное начало в рамках развертывания и завершения конкретного, единичного правового противоборства между персонифицированными контр субъектами и другими участниками, непосредственно вовлеченными в его возникновение, развертывание и завершение.

В лекции прослеживается многозвенность микросоциального механизма преодоления юридического конфликта. Первое звено сопряжено с утверждением субъективной ориентации о путях снятия конкретной противоположности между требованиями юридических норм и противоречивыми мотивами персонифицированных участников конфликтных отношений. Второе – с установлением судейской идейно-психологической установкой в деле преодоления конкретного обострения противоречий между требованиями юридических норм и правореализующими намерениями их персонифицированных контр субъектов. Третье – с укреплением устойчивой судейской позиции, направленной на снятие возникших юридически персонифицированных конфликтных отношений между контр субъектами и требованиями соответствующих правовых норм. Четвертое звено характеризует наличие согласованной убежденности судейской коллегии преодолеть рассмотренный юридический конфликт между персонифицированными контр субъектами и требованиями правовых норм на основе только ею принятого, обоснованного, справедливого, консенсуального правоприменительного решения.

Особо отмечается, что рассмотренные макросоциальный и микросоциальный уровни механизма преодоления юридических конфликтов, их различные звенья лишь относительно самостоятельны, поскольку в реальной действительности они причудливо переплетаются друг с другом, и в изолированном состоянии просто не действуют. Однако полного тождества между ними все же не существует, так как их значение в разных странах неодинаково. В государствах с романо-германской юридической системой, с которой российское право имеет много общего, отдается ведущее место

макросоциальному механизму. В странах с англосаксонской правовой системой приоритет принадлежит микросоциальному механизму преодоления юридических конфликтов.

Лекция 14. **Формы преодоления юридических конфликтов**

Тут осуществлено рассмотрение многовариантных подходов в преодолении юридического противоборства между людьми на основе выявления разноплановости данного процесса. Первоначально предпосылается логический анализ целого ряда соответствующих понятий, который используется в конфликтологической литературе. К ним целый ряд авторов относят: «преодоление», «пресечение», «приглашение», «саморазрешение», «угашение», «урегулирование», «устранение», «улаживание», «затухание» и некоторые другие.

Здесь немалое методологическое значение имеет определение родового понятия, которое является более общим и широким по отношению к другим, ибо неясность в этом вопросе существует. В лекции разбираются несколько вариантов его решения, которые представлены в умозаключениях ряда авторов. Обосновывается теоретическое решение, в котором утверждается, что родовым понятием по отношению ко всем другим вышеназванным категориям является понятие «снятие». Осуществляя трансформацию данного философского термина Гегеля применительно к движению юридического конфликта, в лекции выявляются особые свойства его преодоления, к которым относятся: способность одного из контр субъектов пересилить свою противоположность; результатом такого процесса должно стать завершение конкретного, единичного юридического конфликта; сбережение всего ценного, исчезающего, присущего элементам последнего; определение результатов взаимодействия правомерного и неправомерного поведения физических и юридических лиц.

В дальнейшем изложении проанализированы особые разновидности снятия юридических конфликтов, характеризующиеся категориями: «предупреждение», «урегулирование», «консенсуализация», «разрешение», «устранение» и «ликвидация», ибо в конфликтологической литературе преподносимый их смысл нередко не соответствует действительному назначению.

В решении задачи предупреждения юридических конфликтов очень важно не смешивать диалектические и формально-логические противоречия в праве. Юридические конфликты вырастают из обеих разновидностей названных противоречий, которые существенно отличаются друг от друга. Учет этих различий просто необходим для определения стратегии развертывания соответствующей профилактической работы по предупреждению юридических конфликтов. Соответствующие превентивные меры могут стать бесплодными, а иногда и вредными, если отождествлять диалектические и формально-логические противоречия в праве.

В профилактической деятельности по предотвращению юридических конфликтов нужно заранее преодолевать существующие формально-логические противоречия, которые выражают собой рассогласованность правовых норм, ибо они порождают путаницу в их толковании в процессе применения к конкретным жизненным обстоятельствам, что приводит, в свою очередь, к извращению принципа законности. К диалектическим противоречиям должно наблюдаться иное отношение в проведении необходимых профилактических мер. В ходе осуществления последних нельзя ставить задачу их устранения и полной ликвидации, ибо они объективны и закономерны. Речь должна идти лишь о снятии конкретных форм их проявления, которые стали тормозящим структурным элементом идейно-нормативной компоненты юридического конфликта.

Задачей профилактической работы является сведение к минимуму вероятности возникновения юридических конфликтов, но полностью ее исключить она не способна. Трудно согласиться с утверждением, что профилактическая деятельность субъектов социального взаимодействия может привести к полному исключению вероятности возникновения конфликтов между людьми.²³ Признать такое умозаключение истинным – значит допустить возможность наступления особого социального состояния, при котором появление юридических конфликтов в обществе станет невероятным явлением.

Названное умозаключение не может быть принято полностью, так как юридические конфликты в своем движении подчиняются как динамическим, так и статистическим закономерностям. Юридической конфликтности как массовому социальному явлению свойственны динамические закономерности, поскольку объективная связь между ним и цивилизованным

²³ См. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учеб. для вузов. – М, 1999. – С. 400.

обществом однозначна и непрерывна. Она может быть прекращена только тогда, когда исчезнет право, что отрицает сейчас значительная часть специалистов в области юридической науки.

Применительно к движению отдельного, единичного юридического конфликта действуют статистические закономерности, которые говорят о том, что объективная связь между ним и внешней средой является многозначной, прерывающейся. Выводы относительно его развития характеризуют презумпциональное знание. Поэтому предположения относительно действия профилактических мер в деле предупреждения юридических конфликтов могут отражать процессы полного исключения их конкретных проявлений из жизни общества, а могут быть и не связанными с таким результатом.

Неспособность профилактической деятельности компетентных органов сразу ликвидировать юридическую конфликтность как массовое социальное явление не означает бессмысленность ее действительного осуществления. Поскольку конкретные юридические конфликты могут быть или не быть, характеризовать наличное существование или навсегда исчезнуть из жизни человека, то все это является объективной основой целесообразности и продуктивности проведения профилактических мер по предупреждению юридических конфликтов в обществе, призванных минимизировать их количественные и качественные параметры.

Минимизация данного процесса предполагает достаточную информационную обеспеченность, предполагающую получение необходимых данных о состоянии субъектов и объектов профилактического взаимодействия, об объеме и направлении осуществляемой соответствующей деятельности, анализ социально-правовых показателей, численных характеристик динамики юридических конфликтов и определение социально-правовых индикаторов, вытекающих из указанных данных. Социально-правовые индикаторы – это количественно-качественные выразители детерминационной зависимости движения юридических конфликтов в обществе от их субъективных и объективных условий, факторов, причин и предпосылок.

Эффект профилактической работы юрисдикционных органов по предупреждению правовых конфликтов предполагает органическое сочетание ее информационной обеспеченности с их соответствующей конструктивной практической деятельностью, которая по своему существу является трехуровневой: макросоциальной, макроспециальной, микросоциальной.

К *макросоциальным* мерам профилактики юридических конфликтов относятся все прогрессивные социально-экономические, политические, культурные, нравственно-психологические преобразования в обществе, которые нейтрализуют общие условия, причины, факторы, детерминирующие юридическую конфликтность как социально массовое явление.

К *макроспециальным* мерам профилактики юридических конфликтов относят приоритетную направленность деятельности юрисдикционных органов на предупреждение отдельных разновидностей правовых коллизий между физическими лицами и их организационными объединениями.

К *микросоциальным* мерам профилактики конфликтов относится превентивная деятельность конкретного юрисдикционного органа по предупреждению возникновения отдельного, единичного факта обострения юридического противоречия между людьми.

Отсутствие должной сопряженности между информационной обеспеченностью юрисдикционных органов и их соответствующей превентивной деятельностью отмеченных уровней детерминирует конфликтный разлад между ними, не позволяет переломить российскую ситуацию в плане снижения роста правовых конфликтов в обществе. Об этом говорит динамика преступности за последние двенадцать лет, которая характеризуется следующими показателями: 1990 г. – 1839,5 тыс. преступлений, 1991 г. – 2173,5 тыс., 1992 г. – 2760,7 тыс., 1993 г. – 2799,6 тыс., 1994 г. – 2632,3 тыс., 1995 г. – 2755,7 тыс., 1996 г. – 2625,7 тыс., 1997 г. – 2397 тыс., 1998 г. – 2582 тыс., 1999 г. – около 3000 тыс., 2002 г. – 2750 тыс.

Обозначенные цифры роста юридических конфликтов в современном российском обществе требуют повышения урегулированности этих процессов. Данной проблеме в лекции уделяется специальное внимание. Первоначально уясняется смысл двух понятий: «урегулирование» и «регулирование», которые по своему содержанию полностью не совпадают. Урегулирование охватывает собою как процесс утверждения юридической нормативности преодоления конкретного социального конфликта, так и его снятие на основе действия соответствующих общеобязательных форм: соблюдения, использования, исполнения и применения. Поэтому понятие «урегулирование» шире, чем «регулирование», ибо последнее не охватывает своим содержанием юридическую институализацию социального конфликта, которая происходит в результате правотворчества.

В лекции показано, что юридический конфликт нельзя противопос-

тавить консенсусу, согласию между его контр субъектами. Отмечаются существенные различия между провозглашенным в советский период тезисом об утверждении в нашем обществе морально-политического единства всего народа и консенсусом. Если морально-политическое единство возможно только в условиях господства социалистической собственности, то в отличие от этого консенсус достижим при наличии различных форм собственности, в том числе и частной. Если социально-политическое и идейное единство советского общества наделялось качеством «нерушимости», то в отличие от этого консенсус между людьми, физическими и юридическими лицами относителен, он может состояться или не состояться, так как его утверждение не предопределено с автоматической неизбежностью.

В морально-политическом единстве советского народа решающее значение придавалось классовому началу, что приводило к одностороннему пониманию соглашения между людьми. Союз объективно возможен только между трудящимися классами и другими социальными слоями общества. Что же касается господствующего класса и элит, находящихся у власти, то между ними и трудящимися неизбежна непримиримая классовая борьба и антагонистические конфликты. В отличие от этого социальный консенсус возможен и необходим между различными слоями общества, что является объективной основой реальной способности любых контр субъектов стать на позиции конструктивного согласия между собой, обеспечивая тем самым цивилизованное развитие юридических конфликтов на пути взаимного удовлетворения потребностей и интересов их контр субъектов.

Усиление консенсуализации юридических конфликтов предполагает последовательную реализацию согласительных процедур на основе использования специфических приемов, методов, характеризующихся толерантностью, компромиссностью, сотрудничеством, вариативностью согласительных предложений.

Толерантность – это терпимость к чужим мнениям и верованиям, привычкам, убеждениям и поступкам других людей, которая должна быть свойственна всем участникам юридических конфликтов. Высокую степень рассматриваемого нравственно-психологического состояния должны показывать должностные лица правоприменительных органов и особенно, судебские коллегии. В преодолении юридических конфликтов они могут столкнуться с омерзительными личностями, способными вызвать чувство неприязни и даже отвращения. Однако идейно-психологическая терпи-

мость и здесь должна взять верх, ибо только в такой атмосфере возможно разумное рассмотрение конкретных обстоятельств возникшего конфликтного дела.

Компромиссность – это выражение особой договоренности между контрсубъектами юридического конфликта, юридическими и физическими лицами, при которой консенсус между ними возникает в результате преодоления различных и противоположных мнений, поведенческих установок, достигнутых путем взаимных уступок, добровольного волеизъявления сторон и в рамках действующего закона.

Сотрудничество – это особый прием утверждения консенсуса между контрсубъектами и другими участниками юридического конфликта на основе оказания взаимной помощи друг другу в деле справедливого его разрешения. В сложных делах оно, как правило, не может быть достигнуто в результате творческих усилий только соответствующих судебных инстанций. На плечи последних ложится основное бремя в поиске истины по рассматриваемому делу. Однако юрисдикционные органы зачастую не могут обойтись без помощи других лиц. Эта помощь в необходимых случаях возводится в ранг юридической обязанности. Согласно ст. 56, 57 УПК РФ; 70 ГПК РФ; 25.6, 25.9, 25.10 КоАП РФ; 55, 56, 57 АПК РФ, свидетели должны давать правдивые показания, эксперты – объективное заключение по делу, переводчики должны выполнять полно и точно порученный им перевод.

Прием обращения к интересам юридических контрсубъектов и их значимым ценностям имеет своей целью преодолеть их стремление видеть причины взаимного противоборства в личностных свойствах своей противоположности. Создается иллюзия «плохого», «коварного», «зловредного», «отвратительного» человека. В этой ситуации один из контрсубъектов воспринимает возникшую коллизию между ними как проявление недружелюбия, агрессии или неправильного и неправомерного образа мыслей и действий своей противоположности. Возникает потребность отсечь лишние, субъективистские, наносные явления. Таково назначение ст. 243 УПК РФ, согласно которой председательствующий в судебном заседании призван обеспечивать соблюдение установленного законом распорядка и устранять вопросы, не имеющие отношения к делу. В этом действительный смысл и других статей соответствующих кодифицированных актов, адресованных и к иным участникам судебного процесса, обязанных давать по-

казания, имеющие значение для правильного разрешения рассматриваемого инцидента (Ст. 25.8, 25.9, 25.10 КоАП РФ; 55, 56, 57 АПК РФ 57, 58, 59, 60 УПК РФ 70, 85 ГПК РФ).

Уровень консенсуализации взаимоотношений между контр субъектами юридического конфликта неодинаков. Особенно высок он в тех случаях, когда консенсуализация разворачивается в особой форме, выражаемой специфической категорией «разрешение». Такое окончание юридического конфликта связано не с любой «ценой» в деле преодоления возникшего конкретного противоборства между физическими и юридическими лицами, а с такими затратами, при которых получаемые контр субъектами результаты становятся для них выгодными, но в разных отношениях. Все это возможно при снятии любых разновидностей юридических конфликтов.

В криминальных конфликтах оно происходит в ходе примирения потерпевшего с обвиняемым по делам так называемого частного производства, возбуждаемых не иначе как по жалобе потерпевшего (Ст. 25 УПК РФ). Что касается гражданско-правовых конфликтов, то их разрешение между истцом и ответчиком может происходить на основе самодостаточности соответствующего добровольного соглашения между ними по существу возникшего спора. Суд лишь осуществляет контроль за законностью мирового соглашения, он его не утверждает, если оно оказалось в отношениях несогласованности с законом или нарушает чьи-либо права и интересы, закрепляемые им. Необходимо учитывать, что большинство криминальных конфликтов не может иметь такое окончание, поскольку если совершено уголовное правонарушение публичного характера, то против него должно быть инициировано государственное преследование (Ст. 20 УПК РФ). В этих и других подобных случаях преодоление юридического конфликта сопряжено с необходимостью его устранения как специфической формы его снятия.

Устранение юридических конфликтов как относительно самостоятельная форма их преодоления характеризуется деструктивной деятельностью хотя бы одного из его контр субъектов, его сопротивлением своей противоположности, приоритетной компромиссностью, создающей немалые преграды на пути утверждения взаимоприемлемых соглашений, вызывающих необходимость принятия правоприменительных решений и их

64

принудительного исполнения. Более конкретно данная форма снятия юридических конфликтов сопряжена с четырьмя особыми состояниями.

Во-первых, принудительным изменением правового статуса, по меньшей мере одного из контр субъектов, сопровождаемого выведением последнего из системы деликтогенных отношений, оказавших определяющее воздействие на возникновение его девиантного поведения. Наиболее рельефно это проявляется в результате преодоления криминальных конфликтов, поскольку преобладающим видом наказания преступника является лишение свободы на основе отстранения от той должности и социальной функции, которые он выполнял ранее.

Во-вторых, наличием правообъектной сопротивляемости, поскольку взаимодействие правомерного и неправомерного поведения контр субъектов сопряжено с приоритетной компромиссностью, удовлетворяющей потребности и интересы лишь одной противоположности юридического противоборства.

В-третьих, юридическим признанием неизбежной неэквивалентности правоприменительной возмездности потерь и приобретений, возникающих у контр субъектов в результате их противоборства. Потеря свободы преступником в результате его заключения в пенитенциарное учреждение сроком на шесть лет за изнасилование (Ч. 1 ст. 131 УК РФ) навряд ли можно считать эквивалентным тому «удовольствию», которое получил осужденный.

В-четвертых, в существовании особой идейно-правовой субординированности в системе взаимодействующих структурных элементов юридического конфликта, при которой ведущее место придается регулирующим свойствам правоприменительной компоненты. Если при разрешении юридического конфликта приоритетное значение приобретают ориентирующие начала соответствующих норм права, то при его устранении на передний план выдвигаются императивные правоприменительные решения.

Особое место в системе вариативных форм снятия юридических конфликтов занимает их ликвидация, которую нельзя смешивать с процессами разрешения и устранения конкретных фактов противоборства между физическими и юридическими лицами, хотя такое отождествление нередко встречается в специальной отечественной печати. В лекции отстаивается особая самостоятельность категории «ликвидация юридических конфликтов», которой присущ ряд специфических свойств.

Прежде всего исчезновение одного из контр субъектов юридического конфликта, прерывающего либо удлиняющего конкретную правовую связь между противоположными лицами, в результате чего одно из них перестает существовать, либо пропадает и скрывается от другого. Полное небытие контр субъекта наступает в результате физической смерти осужденного, гибели на войне, при выполнении долга, самоубийства (суицида), неправомерного убийства, смертной казни по приговору суда, естественной кончины человека в результате его болезни, нахождении лица в юридически «умершем» состоянии. Здесь правовая связь между контр субъектами прерывается окончательно, так что она не может возродиться. Сопротивление исчезнувшего лица в силу его гибели не может снова появиться, так как пришлось бы тогда принять истинной идею бессмертия человека.

Ликвидация юридического конфликта сопряжена также с уничтожением его предмета, то есть с исчезновением материальных или нематериальных благ, тех или иных их свойств, выступающих в качестве особых детерминант противостояния соответствующих контр субъектов. Причем речь идет не о ложных юридических конфликтах, являющихся по своему существу беспредметными, а о тех, которые при своем возникновении имели свои объективные основания, но в дальнейшем по целому ряду обстоятельств они прекратили свое существование, что привело к ликвидации наличного противостояния между их противоположными носителям.

Наконец, ликвидация правового конфликта сопряжена с упразднением или отмиранием тех или иных сторон идейно-нормативной компоненты, что создает ситуацию его структурной неполноты, ведущей к исчезновению противоборства между физическими и юридическими лицами. К примеру, декриминализация спекуляции, сопряженная с отменой ст. 154 УК РСФСР 1960 года, означало прекращение соответствующего уголовного преследования и окончание юридических конфликтов между государственной властью и людьми, занимавшимися скупкой и перепродажей товаров с целью наживы.

Рекомендательный библиографический список

1. Юридическая конфликтология / отв. ред. акад. В. Н. Кудрявцев. – М. : РАН, 1995. – 316 с. – ISBN 5-201-01309-1.
2. *Кудрявцев, В. Н.* Современная социология права / В. Н. Кудрявцев, В. П. Казимирчук. – М. : РАН 1995. – 298 с. – ISBN 5-73570-092-8.
3. Юридическая социология : учеб. для вузов / отв. ред. В. А. Глазырин. – М. : Норма, 2000. – 357 с. – ISBN 5-89123-444-0.
4. *Жеребин, В. С.* Правовая конфликтология: курс лекций в 3 ч. / В. С. Жеребин. – Владимир ; ВлГУ, 1998 – 2000. – 392 с. – ISBN 5-89368-044-8.
5. Социальная конфликтология : учеб. пособие / под ред. А. В. Морозова. – М. : Academia, 2002. – 333 с. – ISBN 5-76950-845-0.
6. *Тихомиров, Ю. А.* Коллизионное право : учеб. и научно-практическое пособие. – М. : Норма, 2000. – 394 с. – ISBN 5-89194-041-8.
7. Юридическая конфликтология – новое направление в науке / Государство и право, 1994, № 4. – С. 3 – 23.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Тематический план.....	7
Программа спецкурса «Правовая конфликтология».....	9
Основное содержание спецкурса «Правовая конфликтология».....	15
Рекомендательный библиографический список.....	67

ПРАВОВАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Методическая разработка
для студентов очного и заочного отделения

Составители

ЖЕРЕБИН Владимир Сергеевич
БОГАТОВА Оксана Викторовна

Ответственный за выпуск – зав. кафедрой В.И. Бурова

Редактор Л.В. Пукова
Компьютерная верстка С.В. Павлухиной

ЛР № 020275. Подписано в печать 28.03.05.

Формат 60x84/16. Бумага для множит. техники. Гарнитура Таймс.
Печать на ризографе. Усл. печ. л. 3,95. Уч.-изд. л. 4,21. Тираж 200 экз.

Заказ

Редакционно-издательский комплекс
Владимирского государственного университета.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.